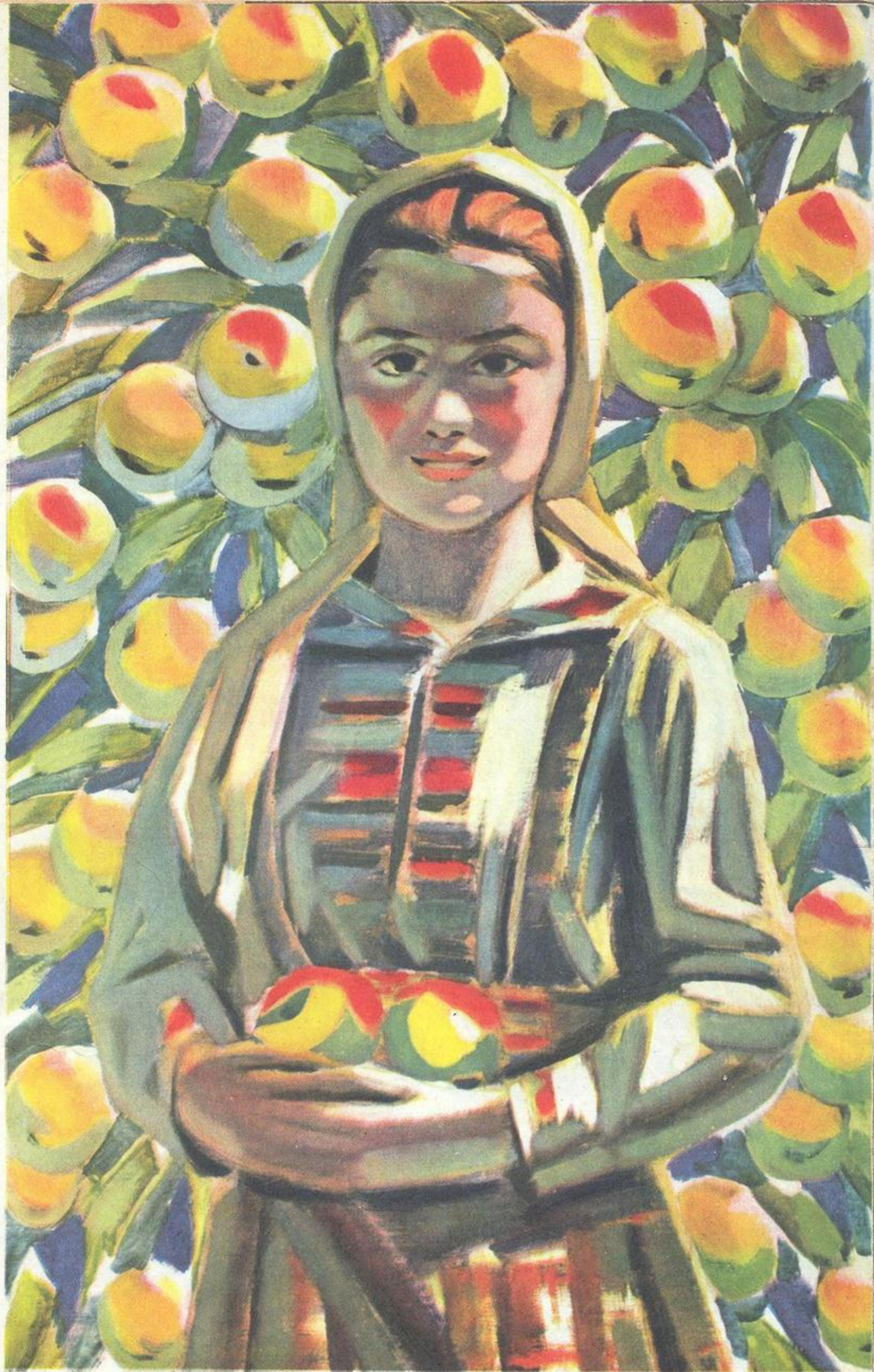

**9 СЕНТЯБРЯ —
ДЕНЬ СВОБОДЫ
БОЛГАРИИ**

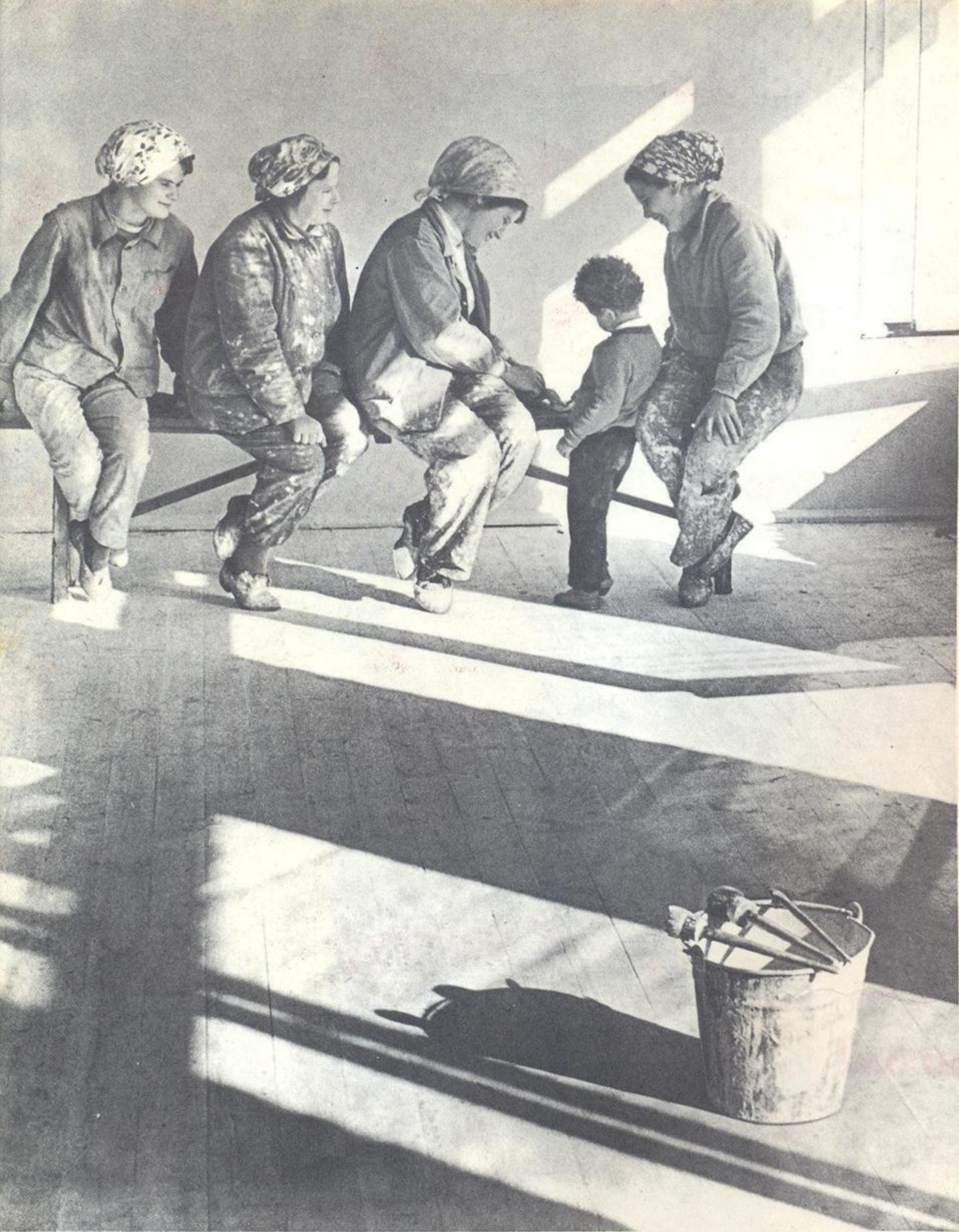
**Поздравляем
друзей
с большим
праздником!**

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал • №

9
1969

РАБОТНИЦА

ИДЕМ К ЛЕНИН- СКОМУ ЮБИЛЕЮ

Призыв московской текстильщицы Марии Иванниковой — 22 апреля 1970 года работать на экономленных материалах — нашёл широкий отклик по всей стране.

Одной из первых отозвалась бригада маляров-штукатуров Фаины Новожиловой из треста «Апатитстрой». Бригада — ветеран строительства города на Севере — Апатиты. Одиннадцать лет назад сдала бригада первый объект — ясли-сад «Ромашка». С тех пор ею отделаны десятки новостроек: дома, магазины, больницы. Все здания приняты с хорошей оценкой. Сейчас бригада Новожиловой строит школу.

Узнав о почине Марии Иванниковой,

бригада решила сэкономить столько материалов, чтоб их хватило для работы 21 и 22 апреля 1970 года. Экономия должна быть немалая: 318 килограммов масляной шпаклевки, 152 килограмма меловой пасты, 34 килограмма белил, 30 килограммов олифы, 3 килограмма краски. Этих материалов хватит на отделку трех трехкомнатных квартир.

За счет чего будет получена экономия? Не пострадает ли качество отделки? Нет, все рассчитано. Окрашивать стены и потолок решили механизированным способом, это намного экономнее. Двери, откосы красить валиком, а не кистью, меньше будут

потери. Договорились для краски использовать малую тару, чтобы не сохла краска, не портилась.

Наш корреспондент застал бригаду в обеденный перерыв, и в этот час на стройку пришел гость — маленький Андрюша Бахилин: уж очень ему хотелось посмотреть школу, которую мама красит...

На снимке (слева направо): Галина Степанова, бригадир Фаина Новожилова, Нина Билан, Андрюша и его мама Римма Бахилина.

Фото Н. МАТОРИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Журнал основан 8 марта 1914 года

Издательство «ПРАВДА» • СЕНТЯБРЬ 1969

Левый берег Ангары, 11 августа 1969 года. Ровно в 8.00 Марта Юзелева, техник СМУ береговых плотин, и Натта Брежнева, мастер того же СМУ, подняли вверх красные флажки, давая знак шоферам. Мощные КРАЗЫ и 25-тонные МАЗЫ двинулись на Ангару.

На правом берегу команду подали Евгения Стец, техник СМУ береговых плотин, и заместитель секретаря партийной организации СМУ старший инженер Валентина Синельникова. Перекрытие правого русла Ангары началось.

Такое выпадает далеко не каждому — участвовать в перекрытии могучей сибирской реки. Натте Брежневой здорово повезло — ее направили на Усть-Илим после окончания Новосибирского инженерно-строительного института, и приехала она сюда буквально за неделю до начала штурма Ангары.

Руководить отсыпкой перемычек — дело не из легких, поэтому, когда в числе других кандидатур назвали фамилию «новенькой», многие сомневались: справится ли? Однако Р. Ю. Букаты, начальник СМУ, решил:

— Натта Николаевна, будете на отвале с левого берега.

Сорок четыре часа длился штурм Ангары. От непрерывных взмахов флажком заныла рука. Чем меньше проран, тем сильнее беснуется Ангара. На 30 метров отшвыривает десяти-тонные глыбы. Гул и рев моторов машин сливаются с грохотом воды.

Тамара Мальцева не шофер, не механизатор, она учетчица автоучастка номер восемь. Тетрадь, в которой она записывала количество рейсов и тоннаж скальника, сброшенного в Ангару, стала историческим документом.

Тамара на Усть-Илиме старожила: с 1965 года здесь, как говорится, с первого камня. Жили в палатках и строили общежития, школу, дома. Тогда Тамара работала маляром. Потом захотелось строить саму ГЭС.

День 13 августа войдет в историю советского гидростроительства. В 4 часа 19 минут по местному времени кразист Михаил Маркитан сбросил последнюю глыбу диабазы — вода остановилась... Секундная растерянность — неужели всё? — а потом — радость, огромная радость. Натта Брежнева прижала к груди уже ненужный флажок:

— Пе-ре-кры-ли!!! Ура!

Ю. ЕФИМЦЕВ,

редактор районной газеты «Усть-Илимская правда».

На снимке: плотина Усть-Илимской ГЭС и затопленный котлован.

Фото В. КЛИМОВА.

Рязанский «Центролит» — это завод-лаборатория, завод-испытатель новой техники, которой затем будут оснащаться другие сталелитейные предприятия страны.

О сложном хозяйстве завода можно судить хотя бы по цеху мелкого чугунолития. Здесь два литейных конвейера объединяют девять поточных линий. Пульт управления большой поточной линии позволяет совершать 27 различных операций. Вот

таким пультом и управляет оператор Валя Афиногенова, которую вы видите на снимке. Недавно ее приняли кандидатом в члены Коммунистической партии.

Соревнуясь в честь 100-летия В. И. Ленина, коллектив цеха за 6 месяцев этого года дал продукции в полтора раза больше, чем за то же время прошлого года.

Всегда чаще чем раз в году

— Ленька,— сказала я утром, трогая свои отросшие волосы.— Мне нужна голубая ленточка.

— Здравствуй,— ответил он, приоткрывая один крупный голубой глаз. Леня всегда говорит мне утром «здравствуй», без этого день у нас не начинается.— Здравствуй. Во-первых, тебе нужна красная ленточка, а не голубая. В одиннадцать часов откроются магазины, и купим.

— А во-вторых,— вразумляюще сказала я,— в одиннадцать мы будем уже в поезде. Ты забыл, что мы сегодня уезжаем?

Леня открыл второй глаз и проснулся окончательно.

— Ничего,— подумав, ответил он.— Купим ленточку по дороге. Ведь поезд будет где-нибудь останавливаться?

Но поезд не останавливался. Это был скорый поезд, очень скорый.

— Как медленно, оказывается, летают птицы! — удивлялся Ленька, глядя в окно.

Поезд спешил в весну. И она начала приоткрываться перед нами уже через несколько часов пути.

Показались первые желтые цветочки. Через час — три грача, черных на черной пашне. В третьем часу пополудни — одетые робким цветением деревца...

Солнце, оранжевое и стремительное, словно снаряд, неслось над деревьями, срезая верхушки. Но потом остыло, притомилось: малиновая его голова покрылась сизым пеплом; горизонт срезал киль, и поплыло, покачиваясь, облако — межпланетная ладья со скучающими астролетчиками над незнакомой планетой.

Ну и пусть они скучают на здоровье. Эта планета наша, мы на ней не собирались скучать.

— Вступаем в неизвестные страны,— торжественно сказал Леня.— Открываем их. Пусть мы не Колумбы, но мы Америго Веспуччи, и нашими именами они будут названы!

Поезд шел и шел по темным степям. Мы пересекли ночной Днепр. Он был широк,

с тусклым лунным перстом вдоль течения. Воспетый, наверно, миллионом поэтов, он тоже показался нам неожиданным подарком. Мы смотрели на его темные воды и благодарно повторяли:

— Это ведь Днепр! Вот так Днепр! Ну и Днепр!

Мы тихонько лежали на жестких верхних полках, и под синим светом ночника лицо Лени выглядело напряженно-ожидающим, словно ему снился сон из той, старой жизни, когда мы еще не знали друг друга.

* * *

Думаю, что начало любви в том, когда хочешь что-то отдать другому человеку, чем-то с ним поделиться. Начинаешь воспринимать мир как бы пополам, хотя тот, другой, может находиться в это время от тебя очень далеко. Но ты-то сама ешь, поёшь, ходишь по улицам, даже дышишь уже как бы для него тоже...

Странно смещается интерес к прошлой жизни. О человеке, внутренне мне безразличном, я хочу знать возможно больше, чтобы взвешивать его поступки и правильно судить о них. В том же, кто пробуждает нежность, интересен только его сегодняшний день, а прошлое лишь постольку, поскольку оно подкрепляет замкнутый круг: он и я. Позади ничего не было, наша жизнь началась с той минуты, как мы встретились...

...Я возвращалась от тетки в электричке. Солнце, пронзительно ясное с утра, по мере приближения к городу все больше уходило в туман, слоилось, меркло. Вагон был битком набит шумными, усталыми лыжниками. Мне казалось, что я очень выделяюсь среди них: на мне не было спортивного свитера, а на коленях стояла деревенская кошелка с гостинцами.

Леню я увидела не сразу. Он сидел от меня через три скамейки, наискосок. «Какой, наверно, славный парень,— подумала я.— Едем в одном вагоне, а никогда ничего друг про друга не узнаем».

Я рассматривала его лицо — умное, муж-

ское, с высокими скулами и худыми щеками. Губы улыбались твердо, в широких бровях играло ироническое оживление. Одной рукой он держал лыжи, прислонив их к плечу. А на другом плече дремала его спутница — я ее сначала и не заметила — в модной вязаной шапочке и пушистой куртке. Лицо у нее было хорошенькое, лицо женщины, сознающей свою власть.

Вагон пригородного поезда почти не качало. Он летел, посвистывая...

«...Никогда ничего не узнаем. Вот ведь как!»

И в эту самую минуту Леня посмотрел на меня.

Мы сидели так далеко друг от друга, что даже мысли о неловкости не возникло. Мы просто смотрели, и нам уже приходилось напрягать зрение, чтобы видеть друг друга, потому что в вагоне быстро темнело.

Мелькали названия станций, кто-то двигался к выходу. Вязаная Шапочка лежала на Ленином плече, а он будто и не признавал этого. Какая-то сила, подобная земному притяжению, держала нас обоих в своей власти. Это он мне сказал потом.

Я же тогда боялась только одного: подойдем к конечной остановке, и это будет как катастрофа!..

Я видела, как Вязаная Шапочка открыла глаза и что-то сказала. Ведь для нее не изменилось ничего. А для меня и Лени изменилось все. Но я тогда этого еще не знала.

Нас выносило в разные двери, и, беспомощная, как пловец поперек волны, я оглядывалась...

Уже на перроне через головы я увидела, что он сунул лыжи спутнице и бросился вдоль платформы. Толпа была густа и плотна. Казалось, мы оба утонем в ней.

— Где вы живете? — закричал Леня изда- лека...

В гаме и сутолоке я прокричала над чужими головами. Только почему-то не название улицы, а станции метро, от которой начинался весь наш микрорайон — отдельный город, где вперемежку стояли новые и старые дома.

Я не знала, понял ли он. Услышал ли. Его отнесло прочь...

Рисунки И. УШАКОВА.

Ни в этот, ни на следующий день, а только через месяц, когда я вышла из метро и села в автобус, я увидела, как Леня, которого я даже не сразу узнала, потому что уже начинались весенние оттепели и он был одет совсем по-другому, бросился мне вдогонку, махая руками. По крайней мере полквартиры он гнался за автобусом.

Я ждала его на следующей остановке. Когда Леня подбежал, лицо его блестело от пота и он не мог выговорить ни слова. Он обхватил меня обеими руками с таким облегчением, что даже зажмурился.

Вдруг сразу, в единый миг, мы ощутили один другого целиком, с ног до головы. Словно были высечены из одного куска и только сейчас об этом узнали.

Минута длилась бесконечно долго. Наконец Леня решил слегка разжать руки и отступил на полшага. Он рассматривал меня открытым смеющимся взглядом.

— Как тебя зовут?

— Ах, да!

Плотина слов прорвалась. Кто ты? Чем занимаешься? Сколько тебе лет? Как твоя фамилия?

Это не имело никакого значения еще полминуты назад, а сейчас мы стали безумно любопытны. Мы шли вдоль чужой улицы, сцепившись пальцами, потому что живая нить не должна была рваться.

— Мой отец — живописец. Не знаю, можно ли сказать про него — художник? Он пишет рекламы, но у него много картин. Я работаю в больнице медсестрой. Совсем недавно сдала экзамен и еще никак не привыкну втыкать человеку иглу...

— А моя мать читает лекции в институте... Дед был даже академиком. Мы долго жили на его пенсию, пока мама училась. Она поздно кончала аспирантуру, когда уже был я. Ах, ты ведь не знаешь! Я просватан чуть не с первого класса. Мы знакомы домами. Представляешь, какой поднимется скандал! Тебе лучше пока недельки две не появляться у нас. Все равно мы уедем. Оказывается, это к лучшему, что я в прошлом году не попал в институт. Ты не думай, я кое-что умею. Ну, скажи, может, мне уже сегодня поговорить с твоим отцом? Чего же нам ждать? Или ты не веришь?..

— Верю! Верю!

— А откуда ты ехала тогда? У меня, между прочим, разряд по лыжам. Ты совсем не ходишь? Я тебя научу. Имей в виду, сначала мы поедем на Карпаты, для меня это очень важно. А потом куда хочешь. Согласен хоть на двенадцать месяцев зимы в году. Все равно весна бывает так часто, как мы сами того захотим!

С утра в Ужгороде лил дождь. Вечером мы были званы в гости к художнику, папиному товарищу, которому позвонили по телефону...

Но мы не пошли к художнику, а вместо этого вдруг покидали в рюкзак пару джемперов, зубные щетки, мыльницу и за двадцать минут до отхода автобуса полетели через весь город на автобусную станцию.

Путешествие к горам началось!

За девять часов перед нами прошло все Закарпатье. Виноградники, грабовые леса, развалины замков — до сих пор воинственные и впечатляющие, — целая выставка униатских церквей, католических костелов, играющих радугой витражей и совсем простеньких православных деревянных церквушек с флюгерами вместо крестов.

— Как ты здорово в этих стилих разбираешься, — с уважением сказал Леня. — Витражи-миражи, муть какая-то! В глаза их не видел.

— Вот и неправда! — возразила я. — Ты сам живешь в старинном доме, и на вашей парадной лестнице цветные стекла.

— Жил, — мрачно поправил Леня.

И у него и у меня одновременно засосало неприятное воспоминание. Но мы постарались заглушить его и принялись старательно смотреть в окна на крестьянские домики, расписанные по фасаду, как пасхальные яйца, цветами и травами...

Показалась Тисса, и до самых сумерек мы ехали пообочь с ней...

Автобус догоняли сначала дождь, а потом тьма.

Попутчики уверяли, что мы едем наконец-то между горами, но этого не было видно. Чернота, которая стояла отвесно возле окон, могла быть и каменной кручей и просто тьмой.

Но зато утром, едва мы вышли из дверей турбазы, как тотчас раскаялись в грехе неверия: оказывается, мы просто проспали ночь в долине-чашечке, вокруг которой кольцом стояли горы! И были они так темны, и так сини, и так высоки; и такой холодный ясный воздух ринулся в наши легкие; и так шумел поток — Буркут, что мы переглянулись, взяли за руки, разом забыв обо всем плохом, что случилось с нами в прежней жизни...

А плохое у нас было вот что.

— Простите, — сказала Ленина мать. Взгляд ее прошел мимо меня и уперся в стену. — Мне необходимо переговорить об этой странной новости с сыном без свидетелей.

...Дубовая дверь с темной бронзовой ручкой прикрылась неплотно и сама собой отошла на два пальца. Временами стали слышны голоса. Что объяснял ей Леня, я не поняла: слишком билось сердце и в ушах стоял гул. Но когда заговорила его мать, я уже успокоилась.

— Ты слишком мало знаешь о ней, чтобы принимать серьезные решения. — Голос тек сухо и скучно, будто она читала доклад. — У этой девицы может оказаться слабое здоровье и плохая наследственность. Или дурной характер.

— Рискну, — отозвался Ленин голос.

— Наконец, вам будет трудно вместе. Особенно, когда вы оба повзрослеете. Она... девушка не нашего круга!

— Ах, так? — прошипел Леня. — Как мой отец?

— Ты не смеешь! — закричала мать. — И не рассчитывай, что вы получите хоть плошку из моего дома...

Они вернулись быстрее, чем я успела подняться со стула и отсюда уйти.

— Мама,— сказал Леня таким вежливым голосом, что даже я не уловила в нем волнения.— Здесь есть что-нибудь мое?

— Конечно,— ответила она спокойно и удивленно.— Одежда, книги. Все, что на письменном столе, и сам стол: он завещан тебе дедом. Бинобль твоего отца. Фотоаппарат и магнитофон, которые я тебе дарю на дни твоего рождения.

— Спасибо. Стол и книги пусть пока останутся здесь, если ты не возражаешь. А фотоаппарат, бинобль и магнитофон я возьму с собой.

Он не спеша уложил их в длинный клетчатый чемодан на молниях, помог мне надеть пальто, оделся сам и только тогда обернулся к матери.

— До свиданья, мама. Буду звонить. Обо мне не беспокойся.

— Да, звони, пожалуйста.

Я тоже пролепетала:

— До свиданья.

И мы ушли.

Улица так сильно шумела, что целый квартал мы прошли молча.

Леня крепко держал меня за локоть. В другой руке он нес чемодан.

— Ну, что ж,— сказал он.— Пойдем теперь к твоему отцу. Будем послушными детьми до конца.

...В нашу комнату можно вступить прямо с тротуара— приподнять ногу на двадцать сантиметров и поставить на подоконник. «Ближе к почве»,— любил шутить папа. У нас не водятся дубовых дверей и при них бронзовых ручек, зато я с детства жила среди пестрого мира эскизов, на которых цветы, раковины и морские травы переличатого теплого розового и зеленого тона словно просвечивали и дробились сквозь слой воды или же кипели листьями под невидимым ветром.

...Кажется, сначала отец не понял, кого и зачем я привела. Он привык показывать свои картины незнакомым людям и без лишних слов стал вытаскивать их из-за шкафа одну за другой.

Худой, с острыми локтями и коленями, острым, плохо побритым подбородком, он беспокойно и ревниво переводил взгляд с картин на Леню, а с Лени опять на картины.

— Теперь к искусству люди ваших лет подходят с точки зрения формы,— сказал он вызывающе.— Если не поражает новизной, то и не ново. А поражает ли вас вообще что-нибудь?

Ленька поднял на него взгляд.

— Меня поразила молекула белка, если на нее смотреть в электронный микроскоп,— сказал он.— И я подумал: если творчество началось с примитивных наскальных фресок, которые передавали зримый мир, то ведь и сегодняшнее искусство должно отразить пусть другие, но тоже реально существующие образы? Где-то здесь и лежит стыковка искусства и науки.

— А они непременно должны стыковаться?

Папа спросил иронически, но я видела: он озадачен.

Леня слегка пожал плечами. Удивительно, как это у него получилось скромно и необидно.

— Когда хотят понять мир, то, по-моему, всегда сталкиваются, с каких бы сторон ни шли.

— Дело художника создавать драгоценности!— воскликнул папа запальчиво.— Путь правды в искусстве— это путь воображения. А ваша наука не больше чем бухгалтерский счет. Впрочем, возможно, я говорю с сыном современного жреца-кибернетика? Разумеется, вам тогда трудно постигнуть иной ход мышления...

— Мой отец не кибернетик,— тихо сказал Леня.— Он был пограничник и погиб на заставе.

Я об этом узнала впервые и почувствовала, как сначала краснею за папину неловкость, а потом сердце сжалось от жалости к Леньке.

— Но война кончилась так давно,— проворчал папа.— Вам же еще нет, наверно, и двадцати...

— Мне исполнится восемнадцать через две недели, как и вашей дочери,— сказал Леня,— тогда мы сможем пожениться.— Он немного помолчал.— А на границе стреляют и в мирное время.

И тут мой дорогой папа сделал вот что. Он отодвинул большое полотно, на котором изобразил Древний Египет, и на его место поставил портрет женщины со сложенными на коленях добрыми руками. Виднелся кусок старенькой тахты, зелень выцветших обоев, распахнутая дверь, за которой играло солнце.

— Это ее мать,— сказал он просто.

* * *

...Автобус, который привез нас в Ясеня, был маленький и горбатый, как верблюжонок. Сначала он трясся по городскому бульвару Рахова, миновал на окраине картонную фабрику и, наконец, пошел над Тиссой. Тиссой, которая все сужалась и сужалась, на глазах превратившись в Черную, ибо, как и великий Нил, состояла из двух рек: Белой и Черной.

Мы долго были в затруднении: как склонять название «Ясеня» (ударение на последнем слоге)? А потом сообразили, что слово «Ясеня» вовсе не означает многих ясеней, а что-то вроде ласкового обращения к этому дереву, старинная грамматическая форма: ясеня— как теля, дитя...

Удивительно, до чего Леньке все вокруг было интересно! Он расспрашивал и веселился, повторяя на разные лады: «Ясеня. Ясеня...»

— Я ведь здесь уже был раньше,— мимоходом уронил он.— Мать везла меня маленького через перевал. А мы с тобой двигаемся в обратном порядке. Она тогда насовсем уезжала с заставы.

— А отец?

Он помрачнел.

— Отец остался.

— Ты его помнишь?

Ленька покачал головой.

— У меня то время как сквозь запотевшее стекло: горы вижу, тропинки по ним, рубахи гуцульские, а его лица— нет.

— У тебя разве не было фотографии? Ленька промолчал.

В Ясенях из-за зеленого склона, по которому, как по необозримой пустыне, карабкались вверх маленькие фигурки людей, высунулась малоотличимая от облака сахарная голова вершины. Это и оказалась двухкилометровая Говерла, именем которой названы все рестораны Верховины.

Здесь было суровее и скуднее, чем в Рахове: совсем уже недалеко перевал.

Девятого мая, в середине дня, по тихим Ясеням прошел духовой оркестр. Музыка пела о далеком прошлом: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой...»

Отмечался День Победы, и я подумала, что нам с Ленькой, как и школьникам, шагавшим в ногу, одинаково далеким кажется уже и этот марш и песня «Вставай, страна огромная...».

А позади последнего ряда, отступив еще шагов на пять, но не порывая с колонной, хромал инвалид, наверно, служащий конторы, погруженный от сидячей жизни, в от-

личном кофейного цвета костюме, с лицом сосредоточенным и истовым. Каким бы он ни был в своей обычной жизни— смиренным или ловчилой, человеком общительным или угрюмым,— сегодня наступил его день! Он имел на него исключительное право, знал его святость.

— Неизвестно, кого он видит сейчас бок о бок с собой,— сказал в эту минуту Леня.— А если даже и никого, то мы их видим!

Я молчала, сдерживая сердцебиение. От этого безмолвного невидимого ряда, по которому медно плакали трубы,— день Девятого мая вдруг загредел во мне своими последними выстрелами: беспорядочными, бесшабашными, не по цели, а просто вверх, похожими на счастливые слезы...

Война кончилась. Это случилось двадцать четыре года назад, еще до нашего рождения.

* * *

— Скажи, ты часто думаешь о будущем?— спросил Леня.

Я честно постаралась припомнить.
— Не знаю. Наверное, никогда. Так далеко! Когда я просыпаюсь, жется, что дню не будет конца. И меня всегда так много забот, когда еще болела мама...

Ленька задумался.

— А я думал постоянно. Наверно, му, что жил скучно. То есть, наоборот, очень часто ходил в кино, в театр. Не сказать, чтоб меня это не интересовало. У нас была веселая компания. Но вот тобой уехали, и я даже ни разу не вспомнил ни о ком. Может, я просто черствый человек, эгоист? Меня это часто мучает.

— Почему же ты эгоист?— сказала я.— Разве ты жил в ущерб кому-нибудь?

— Но и ни для кого!

Я было застеснялась, но удержаться все-таки не смогла.

— А для меня?

Он глубоко вздохнул.

— Ты совсем другое. Ты для меня как обвал в горах. Честное слово! Хочешь верь, хочешь не верь: я о любви даже не подумал. Просто захотелось что-то сразу сделать, все как-то изменить в своей жизни. И первое— найти тебя. Если б нас познакомили на вечеринке, может, ничего и не было: ну, еще одна девчонка! Но ты стала моей целью. Моей единственной целью.

— Как же единственной?— возразила я.— А учиться, а работать? Я вот хочу быть врачом. Если не удастся, то и медсестрой можно. Опытные медсестры иногда лучше врачей разбираются. У нас в больнице есть Лариса Сергеевна, так профессор ее всегда просит пойти в ту палату, где самые тяжелые больные...

— Ты удивительный человек!— воскликнул Леня.— У тебя мир так плотно населен. А у нас дом холодный и пустой. Когда был жив дедушка, он говорил: «С тобой, Ленчик, хоть живым духом в стенах повеяло. Только как бы и на тебя снежная королева не дохнула. Вырастешь— и уезжай отсюда...»

— А что твоя мать?

Я отвела глаза в сторону. Ведь она все-таки была его мать!

— Сердилась. Говорила, что ни к чему сбивать меня с толку беспочвенными фантазиями. Дедушка махнул рукой: «Дураки бывают летние и зимние; летнего сразу видно, а зимний под ста одежками хоронится; иногда диплом— тоже одежка для дурака. И напрасно ты ополчаешься против фантазии, Верочка!— говорил он.— Мечта вытекает из характера. Именно в фантазиях

открывается человек: что для него возможно и на что он замахивается? Да и ты, моя чересчур умная дочь, не была лишена фантазии». «Я за это поплатилась», — отвечает мать и делает глазами знак, что при мне продолжать нельзя.

— Это про твоего отца? — Я не могла побороть любопытства.

— Наверно. Но дальше они не говорили.

— Может быть, твоя мать была несчастна, — принужденно сказала я, всячески стараясь согреть то онемевшее место в груди, куда упал ее мимолетный, так старательно избегавший меня взгляд.

Леня пожал плечами.

— По-твоему, счастье — главное в жизни? А если его нет? Разве это одно уже оправдывает во всем человека?

Голос Лени звучал так холодно, что на мгновение мне стало не по себе. Он угадал мое смятение и усмехнулся.

— Не бойся. Я похож на отца. Вот только бы мне узнать, какой он был!

После нескольких секунд молчания он добавил:

— Я, например, не ищу счастья, мне нужно дело. Сознание, что я по-настоящему полезен, сделало бы меня счастливым.

— Почему же ты тогда не захотел учиться в институте?

Теперь я уже действительно ничего не понимала.

— Мать твердит, что я должен продолжить ее работу, как она продолжает дедушкину. А я никому ничего не должен! Она все время оглядывается назад и каждый мой шаг примеряет к своему прошлому. Но ведь прошлое прошло. Если оно им так нравится, почему они не захотели в нем остаться и пришли в наше время?

— А чем же отличается наше время от ихнего?

Леня отмахнулся.

— В вашем подвальчике заповедник: все доброе и никому не надо лишнего. Я говорю не про исключения, а про большин-

ство. Половина людей до сих пор считает, что земной шар велик. А другая половина видит, что он уже мал. Для одних лучше ездить на поезде, чем летать на «ТУ», а я не дождусь, когда пустят пассажирские ракеты на Марс!

— И ты бы полетел?

— Только с тобой.

— Ну, так вот. Мне Земля больше нравится. Я остаюсь.

— Чего же ты рассердилась?

— Потому что ты все время говоришь неправильно. Я не умею тебе ответить; просто знаю, что неправильно, и все. Ты обиделся на мать, а зачем же всех сюда приплетать? И потом скажи: куда мы едем? Иначе я с места не сдвинусь больше.

Ленька смотрел на меня, и словно сильный ветер сдувал с его лба тучи.

— Мы едем на отцовскую заставу, — сказал он. — Только я хочу не просто приехать, а для себя решить что-то о будущем. Как будто я еду к нему, к нему живому.

— Ну, решай, — позволила я.

* * *

Как оказалось, в Ясеня мы сделали напрасный крюк: Леня что-то напутал в своих воспоминаниях. Снова тряский автобус то спускался в ущелье, и небо голубой птицей взмывало вверх над каменным забором, то возносился высоко, оставляя под ногами сырую теснину, расплескивая по горам тени облаков...

Деревья здесь еще были голы, кроме бахромы хвойных. Поэтому, приоткрыв усталые глаза, я радостно вскрикнула, увидев вдали два ярких весенних пятна.

Но это была не зелень. Это оказались фуражки пограничников.

Мы вышли и очутились одни посреди горной деревушки, мазанки которой карабкались вверх и вниз — и не было двух домов на одной линии!

Двое пограничников стояли на крыльце сельмага, курили и смотрели на нас. Мы медленно двинулись к ним.

Подходя, я разглядывала обоих: ненамного старше нас с Леной, только плечи пошире да лица позагорелей.

Один был невысокий, со светлыми бровями и веснушчатой переносицей. Глаза у него такие, словно он все время посмеивается. Второй тонок в талии и прямой, как хлыстик. Лицо смугло-румяное, будто под кожей горела розовая лампа; брови вскинута двумя ровными бархатными полосками, уголки глаз подняты к вискам. В «Тысяче и одной ночи» таких рисуют на картинках.

Я глазела на него так долго и откровенно, что Леня дернул меня за рукав.

Мы подошли вплотную.

— Здравствуйте, — сказали мы.

Они ответили вежливо, с нерусским акцентом: веснушчатый пропел мягко, по-украински, а смуглолицый гортанно.

— Здравствуйте.

— Что здесь продается? — спросил Леня, чтоб разговор не потух.

— Что кому треба, — ответил веснушчатый, сощурившись еще значительно. — Туристы будете?

И вдруг Леня сказал так откровенно и просто, как он один умел, сразу ломая лед и идя напролом.

— Нет, — сказал он. — Мы не туристы. На вашей заставе служил мой отец. Он здесь погиб. А это моя жена.

У веснушчатого глаза стали круглыми, как пятаки, губы сами собой разлепились.

— Как же твоя фамилия? — спросил он наконец.

Леня назвал.

Парни мгновенно переглянулись: фамилия им была, видимо, знакома.

— И документ е? — Удивление еще не улеглось в веснушчатом.

Леня полез в карман за паспортом. Оба внимательно рассмотрели его и, кажется, приняли какое-то решение.

— Почекайте тут со своей дивчиной,— сказал веснушчатый.— Мы доложим старшине. А там вас и на квартиру поставим. Вы ведь у нас погостите?

— Погостим,— ответил Леня.

Оба протянули нам руки, и мы их пожали вперекрест.

— Ну вот,— юмористически вздохнул Леня,— теперь мы с тобой люди казенные. Приказано ждать старшину.

Мы сделали двадцать шагов в сторону от дороги, пока не очутились над горным обрывом. Мир под нашими ногами жил в ветре. Это было его дыхание. Он дышал мощно и громко. Выдыхал облака, и те собирались над горами, а потом, будто на салазках, скатывались в ущелье, оседая холодным туманом.

— Посмотри, до чего здорово кругом,— сказал Леня.— Ведь хорошо, что я тебя привез сюда?

Я кивнула благодарно.

В самом деле, есть ли большая радость для глаз, чем разграничение гор и неба? Неизвестно почему, но эта резкая смена цвета и линий внушает ощущение спокойствия и высшей гармонии.

Прошло не больше двадцати минут, как по той же тропинке к нам скатился запыхавшийся плотный человек с цепким взглядом рыжих пронзительных глаз. По мне он только мазнул взглядом, а в Ленюк прямо таки впился, и во всем его облике произошла мгновенная метаморфоза.

— Ну, здравствуй,— сказал он, слегка придыхая от волнения,— Леонид Юрьевич! С прибытием в родные места. Давно пора, сын моего командира!

Он сначала троекратно облобызал Ленюку, чинно прижимаясь к щеке щекой, а потом стиснул, сгреб в охапку и замер так на секунду.

— Не ждал сегодня,— пробормотал он, беспомощно моргая желтыми ресницами.— Каждый день ждал. А сегодня нет.

Он отодвигал Ленюку, любовался им, снова притягивал...

Ленюка охотно подчинялся его бесцеремонным объятиям. А ведь как он кинул тогда матери от порога: «До свиданья. Буду звонить» — и все, будто отрезал! Он умел быть безжалостным, мой Ленюка. Но оказывается, мог становиться и покорным... Я тряхнула головой.

Старшина между тем распорядился нами вволю.

— Помещу я вас у Василины. Обедать пойдете на заставу, старший лейтенант в курсе. Эй, Василе! — зычно позвал у окошка.

Рама скрипнула, и лицо дородной женщины выглянуло, будто полная луна над лесом.

— Чего тебе?

— Сын капитана приехал. Юрия Ивановича. Возьми на квартиру.

Женщина ахнула, сморщилась, и слезы в три ручья хлынули по щекам.

— Биг мий, биг мий! — запрочитала она.

— Что же ты так хлопца встречаешь,— сказал смутившийся старшина.— Чай, он на родину приехал!

Василина поспешно отерла слезы, виновато улыбнулась и исчезла в оконном проеме.

Спустя минуту между нею и старшиной возникла громкоголосая перебранка.

Василина требовала, чтоб мы ели и пили только у нее, а старшина тянул к себе на заставу.

Мы покорно ждали, пока решится наша участь, и все-таки пошли на заставу.

(Окончание в следующем номере.)

ПЕРВАЯ ДОЛГАНСКАЯ ПОЭТЕССА

В судьбе Дуси Аксеновой нет ничего необычного. Она долганка¹, родилась в 1936 году на Таймыре. Ее отец, Егор Дмитриевич, охотник, рыбак и оленевод, был секретарем Авамского райкома партии. Этот район в то время существовал как административная единица.

С семи лет Дуся пошла в норильскую школу-интернат. А окончив ее, поступила в Иркутский университет, но учиться ей не довелось: заболела. Пришлось вернуться домой.

И вот уже двенадцать лет Евдокия Аксенова заводит красным чумом. Работала она в факториях Попигай, Жданиха, Катырник, а несколько лет назад обосновалась в Новорыбной. Здесь ей приходится заниматься клубной работой и библиотечной. На фактории проживает свыше шестисот человек, и все шестисот — ее аудитория.

Семья у Аксеновой небольшая. Сын Юра во втором классе, Вова — в нулевом. Муж Дмитрий — охотник, рыбак.

Десять лет назад Дуся впервые сложила и спела в одном из красных чумов частушки о ловном охотнике. Частушки понравились. Дуся, впрочем, и сама понимала, что ей удалось передать голос родной тундры. С тех пор она стала писать. Лю-

бимый поэт Дуси — Сергей Есенин.

Любит она и своих земляков, якутских поэтов Платона Оюнского и Моисея Ефимова. Вообще ее увлекает творчество родного народа. Она собирает долганские поговорки, пословицы, загадки. Записи Дуси Аксеновой — это богатство, которое еще предстоит оценить специалистам. А пока что перед началом детских сеансов она загадывает ребяташкам загадки; дети с удовольствием хором повторяют записанные ею пословицы и поговорки.

В последние годы Дуся Аксенова не раз выезжала за пределы родного края. Была она в Хабаровске на творческой конференции народов Крайнего Севера. Выступала на российских и союзных смотрах народных талантов. Особенно памятен для нее год пятидесятилетия Советской власти. Именно тогда ее работа в красном чуме была отмечена орденом «Знак Почета». Кроме того, Дуся была удостоена высокого звания лауреата Всесоюзного смотра художественной самодеятельности.

Творчество самобытного, первого среди долган поэтов, к тому же женщины, известно пока немногим.

Мне привелось работать вместе с Аксеновой над переводами ее стихов. В процессе этой работы я увидел, как требовательна Дуся к слову, с каким упорством добивается точного выражения мысли.

Качество моих переводов Дуся проверила весьма оригинально: взяла русские тексты своих песен и запела их. Получилось!

Это своеобразное одобрение и укрепило меня в желании представить творчество Евдокии Аксеновой читателям «Работницы».

Валерий КРАВЕЦ

Евдокия АКСЕНОВА

МОЯ РОДИНА

Знаю: на верху хребтов,
Где синее шапка льдов,
Родина моих отцов.
Чуть заметен чума след,
Как лицо за дымкой лет...

Белый мех оленьих лбов
Весь из тундровых снегов.
Здесь, в снегах, моя любовь.
Тундра — мать, отец — хребты.
Родина, прекрасна ты!

¹ Долганы — народность, живущая в Таймырском национальном округе Красноярского края РСФСР. В прошлом кочевники-оленьеводы.

ПЕСНЯ ОЛЕНЕВОДА

К низкому небу на зимней заре
Тянется пар из оленьих ноздрей.
Хэй хэй, хэй, хэй,
Хэй, хэй хэй, хэй!

Четко копыта по насту звенят,
Мчат, как на крыльях, олени меня.
Хэй хэй, хэй, хэй,
Хэй, хэй хэй, хэй!

Нету на нарте моей сундуков,
Там я не прячу сокровища слов.
Хэй хэй, хэй, хэй,
Хэй, хэй, хэй, хэй!

Песни в дороге мои рождены,
Добрые ветры им в тундре нужны.
Хэй, хэй, хэй, хэй,
Хэй, хэй, хэй, хэй!

Песни услышав за посвистом вьюг,
Стадо мое собирается в круг.
Хэй, хэй, хэй, хэй,
Хэй, хэй, хэй, хэй!

БАРАКСАН — РАННЯЯ ВЕСНА

Бараксан, весна-красна,
Очертила светлый круг,
Пробудила ото сна
Все дремавшее вокруг.
На мехах у ездовых
Стынуть иней перестал.
На руках у облаков
Спит Полярная звезда.
А совсем недавно наст
Был скрипуч и был ворчлив.
А сейчас вволю весна
Гонит звонкие ручьи.
Тишь. Ветра не шелохнут
На хвосте песцовом ворс,
Лишь влюбленные ведут
Свой весенний разговор.

ПОЧЕМУ РЖАВЕЮТ МАШИНЫ?

Перед тем, как поехать в Курган на завод сельскохозяйственных машин, я побывала в управлении по комплексной поставке оборудования «Союзсельхозтехники». Там я узнала, что в этом году от колхозов и совхозов страны получено 91 700 заявок на доильные установки, но промышленность сможет удовлетворить только третью их часть.

Не мудрено, что, отправляясь на «Кургансельмаш», я думала: вероятно, на этом заводе, который выпускает стационарные и пастбищные доильные установки, делается не все, чтобы как можно скорее помочь дояркам избавиться от тяжелого ручного труда. Но, проведя неделю в цехах, познакомившись с работницами, я поняла, что ошиблась: люди здесь работают на совесть. Каждый день на фермы уходят пахнущие свежей краской, упакованные в ящики доильные установки. Ежегодно завод выполняет и перевыполняет план, а после реконструкции — она закончится в 1975 году — будет выпускать в три-четыре раза больше машин, чем сегодня.

О замечательных работниках завода, об их отношении к труду, своим обязанностям можно было рассказать много хорошего. Но очерк о людях «Кургансельмаша» я так и не написала. И вот почему.

Как-то во время обеденного перерыва ко мне подошла одна из работниц и сказала: «Вчера золовка из колхоза в гости приехала, говорит, у них наши доилки без пользы валяются. А мне не верится. Хорошие ведь машины: за три года ни одной рекламации не было! Что же это получается?»

На следующий день вместе с инженером-конструктором завода Людой Марковой мы отправились в Куртамышский район. Решили остановиться в колхозе имени Ленина: здесь, как нам сказал начальник отдела технического обслуживания областного отделения «Сельхозтехники» В. М. Шиков, девятнадцать доильных установок, все они работают, техническая готовность машин — сто процентов.

...На колхозное пастбище, где были смонтированы две передвижные доильные установки, мы попали перед вечерней дойкой. Люда принялась осматривать и «ощупывать» узлы и агрегаты машин, а я разговаривала с доярками. Они наперебой хвалили машинное доение.

— Не сравнить, легче работать стало! — сказала Шура Бабушкина. — Смешно вспомнить, но многие вначале против аппаратов были. Думали, все стадо перепортим, а оно, видишь, как славно вышло...

— А я сразу разобрала, что дело это стоящее, — включилась в разговор Мария Савельевна Зубова. — Двадцать лет руками доила, знаю, почем фунт лиха. Бывало, ночью хожу, рученьки, словно малых детей, качаю, успокоить не могу. Теперь я о своих болезнях забыла — семь лет за меня аппарат доит.

Марии Савельевне 65 лет, но на отдых она не торопится: заработок хороший,

устаёт куда меньше, чем прежде. Мне сказали, что именно благодаря машинному доению не ушли на пенсию многие пожилые женщины. Молодежь тоже остается в колхозе: вчерашним школьникам интересно иметь дело с машинами. Во всяком случае, в колхозе имени Ленина недостатка в доярках не испытывают.

С такими оптимистическими выводами подошла я к Люде Марковой и сразу увидела ее встревоженное лицо.

— Не пойму, что здесь происходит, — сказала она. — Просто не могу узнать нашу установку!

Доильная установка — универсальная машина. Кроме доильных аппаратов, стойл и кормораздатчиков, станция оснащена водогрейным котлом, агрегатом водоснабжения, специальными разбрызгивателями, с помощью которых моют у коров вымя. А лучшая мастерица колхоза по машинному доению Аня Ушакова обмывает вымя не разбрызгивателями, а из обыкновенного ведра. Сразу же после доения молоко должно поступать в молокопровод, затем в охладитель. Но мы видим: доит Аня в обычные ведра, потом таскает их на коромыслах в палатку, где взвешивает молоко и сливает через натянутую марлю в ванну.

— Ничего не понимаю, — растерянно твердила Люда Маркова. — Где же линия первичной обработки? Куда подевались разбрызгиватели и все остальное? Доярки используют только доильный аппарат «Волга» и стойла с кормораздатчиками! Хотела я на ящик для запчастей посмотреть — мы столько мудрили, чтобы его полегче и поудобнее сделать, — нет ящика! А где же хранятся инструменты, шланги, ерши? Остались от нашей установки рожки да ножки!

Спрашиваем доярок:

— Вы ведь хвалили доильную установку! В чем же дело?

— Доилка-то хороша, — отвечают они. — А молокопровод, к чему он нам, — как узнаем, кто сколько надоил? Молоко-то в общую цистерну идет. Значит, и платить будут поровну. А мы на это не согласны.

Председатель колхоза Клавдия Дмитриевна Нестерова поддерживает доярок. Она считает существенным недостатком конструкции пастбищных доильных установок отсутствие в них мерных цилиндров. Потому-то доярки и отказываются от молокопровода, а вместе с ним бездействует и охладитель молока. Во что же обходится колхозу такое использование техники? На установке работают не две доярки, как полагается по инструкции, а восемь, причем каждая обслуживает вдвое меньше коров, чем могла бы. Из-за того, что охладители бездействуют, молоко быстрее скисает, — колхоз не смог сдать в прошлом году ни одного центнера молока первым сортом и потерял на этом десятки тысяч рублей.

Вот почему себестоимость молока при машинном доении обходится колхозу дороже,

чем при ручном! И это не только в колхозе имени Ленина, подтвердил В. М. Шиков.

В ряде колхозов области доильные установки, изготовленные «Кургансельмашем» и другими заводами, вообще бездействуют.

Когда представишь эти без дела ржавеющие машины, омертвленный труд сотен людей, в памяти возникает литейный — самый тяжелый цех на «Кургансельмаше».

Шесть лет без брака работают тут стерженщицы, многие дают продукцию уже в счет семидесятого года. А формовщицы? Каждый день выполняют они норму на 130—160 процентов. К Лидии Александровне Пропостиной, например, не каждый мужчина может в напарники пойти — так быстро и ритмично работает она на формовочной машине. Сверловщице 20-го механического Нине Ивановне Демидовой вообще нет равных. Разве что Мария Лобышева да еще Зоя Головина смогут потягаться с ней в мастерстве и сноровке: все три женщины дают продукцию в счет 71-го года.

В сборочном цехе девчата лишней раз за смену словом не перекинутся — скорей, скорей: ведь они на финише, от их работы зависит успех всего коллектива завода.

Мы часто говорим об ответственности рабочих перед тружениками деревни. Но и рабочие вправе спросить своих сельских товарищей: «А как вы используете машины, которые вам дает промышленность?»

Происходит странное явление. В «Союзсельхозтехнику» идет лавина заявок на доильные установки всех типов, а как только машины попадают на село, их используют по частям или они вовсе не находят применения.

В чем же причины? В колхозе имени Ленина мы как будто бы нашли одну из них — отсутствие мерных цилиндров. К вопросу о них мы еще вернемся. Но, думается, дело не только в цилиндрах. Чтобы обслуживать доильную установку, нужна техническая подготовка. Ну, много ли, например, знаний могут дать доярке десятидневные курсы, которые организуют в хозяйствах, и то далеко не везде? Поэтому многие доярки о конструкции и принципах работы доильной установки имеют самое приблизительное представление. Они не в состоянии обнаружить даже простейшую неисправность, часто нарушают правила эксплуатации машин. Доильные установки выпускаются давно, а обучением доярок никто серьезно не занимается. Правда, в мае 1968 года Министерство сельского хозяйства СССР издало приказ — организовать подготовку мастеров-наладчиков для технического обслуживания машин и оборудования на фермах, а также подготовку инструкторов машинного доения из числа инженеров и зоотехников, чтобы они, в свою очередь, обучили доярок в колхозах.

Профессию мастеров-наладчиков сельхозмашин юноши и девушки получают в про-

Рисунок О. КОРНЕВА.

фессионально-технических училищах. Но выпущено всего 4 456 рабочих этой специальности. Для нашего сельского хозяйства — капля в море. А инструкторов из числа инженеров и зоотехников, работающих непосредственно в колхозах, готовить еще не начали.

Техническим обслуживанием доильных установок занимаются местные отделения «Сельхозтехники». В Курганской области, как я узнала, многие председатели колхозов, недовольные техническим обслуживанием и качеством ремонта, отказываются заключать договора с «Сельхозтехникой». Но тогда эти колхозы попадают в бедственное положение: мало того, что собрать и установить машину никто толком не может, запчасти нигде не достать. Особенно велика нужда в деталях из резины, их приходится менять через каждые 2—3 месяца.

Новая техника требует рациональной технологии и правильной организации труда, культуры производства, иначе от машин экономического эффекта и ждать нечего.

Но вернемся к вопросу о мерных цилиндрах. Колхозы Дона, Кубани и Украины вообще отказались работать без них на пастбищных доильных установках. Сейчас «Союзсельхозтехника» обратилась в Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР с просьбой наладить выпуск мерных цилиндров. Но пока этот вопрос решается, нельзя мириться с тем, что в колхозах простаивают доильные установки или не используются целые узлы и агрегаты машин.

Сверловщица с «Кургансельмаша» ударница коммунистического труда Н. И. Демидова вот что сказала по этому поводу: «Почему бы дояркам, которые обслуживают пастбищные установки, не попробовать работать по одному наряду, как работаем мы, сверловщицы, и как многие другие бригады на нашем заводе? Мы заработок бригады делим поровну, кроме того, в зависимости от разряда надбавку получаем. И никто от работы на один наряд не проигрывает. Наоборот, помогаем друг другу, опытом делимся. И дисциплина куда лучше — стыдно ведь кое-как работать, если рядом с тобой люди в поте лица трудятся. Зарабатывать все отвали больше, а главное, живем дружно. Напрасно доярки боятся, что будет «уровниловка». Сейчас они копейки выигрывают, а рубли теряют, и свои и колхозные. А вообще-то, чтобы все по справедливости было, надо и дояркам разряды присваивать. Кто лучше аппарат знает, более умело за животными ухаживает, тому и разряд повыше и надбавка соответствующая...»

Конечно, такой порядок был бы выходом из положения.

И все-таки многие зоотехники считают: мерные цилиндры или другие аппараты, индивидуальные счетчики молока необходимы — без них трудно определять продуктивность скота, трудно правильно поставить зоотехническую работу на фермах.

Какими должны быть доильные установки, решат компетентные организации, соответствующие министерства, научно-исследовательские институты. Но пусть они будут такими, чтобы труд конструкторов, рабочих, инженеров не пропал даром. Пусть люди, которым придется работать на доильных установках, будут благодарны создателям этих машин.

В. КОНОНЕНКО

г. Курган—Москва.

Муса ГАЛИ

РАЗГОВОР С ОБЛАКАМИ

— Вы откуда, облака?

— Мы плывем издалека!
Мы поднялись утром рано
С голубого океана,
Развернули паруса
И помчались за леса.

— Расскажите, где вы были?

— Побывали мы в Сибири.
Белок видели в тайге,
Быстрых омулей в реке,
Две плотины, поезда,
Корабли и города.

— Подождите, облака!
Отдохните, облака!

— Мы бы рады к вам спуститься,
Только некогда пока.
Мы несем дожди пшенице,
Алым яблокам и птицам.
До свидания, друзья,
Нам опаздывать нельзя!

ЗЕМНЫЕ КРАСКИ

— Ты отчего, береза,
Всегда белым-бела?
— Я белый сок корнями
В сырой земле нашла.

— Как стала ты зеленой,
Пушистая сосна?
— Земля меня поила —
И вот я зелена.

— Цветы, откройте тайну,
Где краски вы нашли?
— И желтый цвет
и красный
Мы взяли у земли.

Как все кругом красиво —
И рощи и поля.
От всей души — спасибо,
Художница-земля!

ПРОЩАЙТЕ!

Над озером дикие гуси летят.
На желтые листья печально глядят.
Прощайте! Скорей возвращайтесь назад,
Прощайте!

Прощай, земляника в овраге лесном.
Прощайте, волнушки под тихим кустом.
И пчелы спешите в свой маленький дом,
Прощайте!

Прощайте, прощайте, друзья-муравьи!
Заприте хвоинками двери свои.
Вас утром апрельским разбудят ручьи,
Прощайте!

Пора возвращаться из леса домой.
Ну, что ж, до свиданья, прощайтесь со мной.
Пусть будет тепло вам холодной зимой,
Прощайте...

Перевел с башкирского
Ю. Кушак.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Склонились березы к пруду.
Глядели всю ночь на звезду.

И каждая думала: «Да,
Это моя звезда...»

Но однажды ветер пришел,
И был он в тот вечер зол:

Он пальцы в рот заложил
И дунул что было сил.

И сразу издалека
Примчались на свист облака

И закачалась вода,
И вдруг пропала звезда.

И стало березам невмочь.
Метались они всю ночь,

Сражались они всю ночь —
И ветер прогнали прочь!

И когда унеслись облака
И запела тихо река,

То сразу звезда нашлась —
Цветком золотым зажглась.

И березы кивали: «Да,
Вот какая у нас звезда...»

С. УРАНОВА. ВОЕНФЕЛЬДШЕР НАТАША МИХАЛЕВА.

КАРТИНА ГВАРДИИ РЯДОВОГО

На Кузнецком мосту, 11, в залах Дома художника, московские художницы показывали свои работы. Это была выставка, посвященная VII Всемирному конгрессу женщин.

Об одной из работ посетители оставили, пожалуй, самое большое число лестных отзывов. А когда на выставку пришла группа участниц конгресса, они захотели непременно познакомиться с автором этой картины и тут же с нею сфотографировались.

«О вас и об этой вашей картине мы обязательно расскажем в своем журнале», — говорила автору гостья — журналистка из Объединенной Арабской Республики.

А рассказать действительно есть что.

Читательниц «Работницы» мы познакомили с художницей Софьей Сергеевной Урановой в 1965 году, когда в февральском номере напечатали отрывки из ее фронтового дневника, иллюстрированного ее же рисунками, сделанными в годы войны прямо на передовой. Среди других был напечатан и рисунок «Медсанбат в снегах Белоруссии», а в дневнике — несколько строк о военфельдшере Наташе Михалевой. Напомним их:

«14 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА. Сегодня в ночь снегу навалило по пояс... Белоснежная пелена покрыла разоренную дотла нашу деревушку...

Я пошла рисовать медсанбат. Издалека доносились глухие раскаты артиллерийских залпов. Военфельдшер Наташа Михалева, увидев меня, остановилась и сказала, что не уйдет до тех пор, пока я не нарисую ее у палатки.

— Замерзнешь! — кричу ей.

— Ничего, — отвечает, — скорее рисуйте.

И я очень подробно зарисовала общий вид дислокации — госпитальный

взвод, перевязочную и операционную. Фигурка Наташи в белом халате так оживила суровый, лаконичный пейзаж!»

В феврале 1965 года, когда печатались эти строки, художница еще не знала, как сложилась судьба Наташи, пощадила ли ее война. Долгие поиски ни к чему не привели. И вот после выступления «Работницы» Наташа отозвалась. Жива! Работает фельдшером в Рязани, теперешняя фамилия — Коротенко.

Состоялась трогательная встреча, и художница, не откладывая, взялась за картину, которую задумала много лет назад. У нее уже был эскиз к этой картине, он находился в экспозиции Третьяковской галереи. Теперь перед художницей была живая натура!

В 1966 году на холст легли последние мазки. Картина «Военфельдшер Наташа Михалева» готова.

С тех пор эта работа гвардии рядового С. С. Урановой экспонировалась на нескольких выставках. Ее по достоинству оценили посетители и той выставки, что была посвящена Всемирному конгрессу женщин.

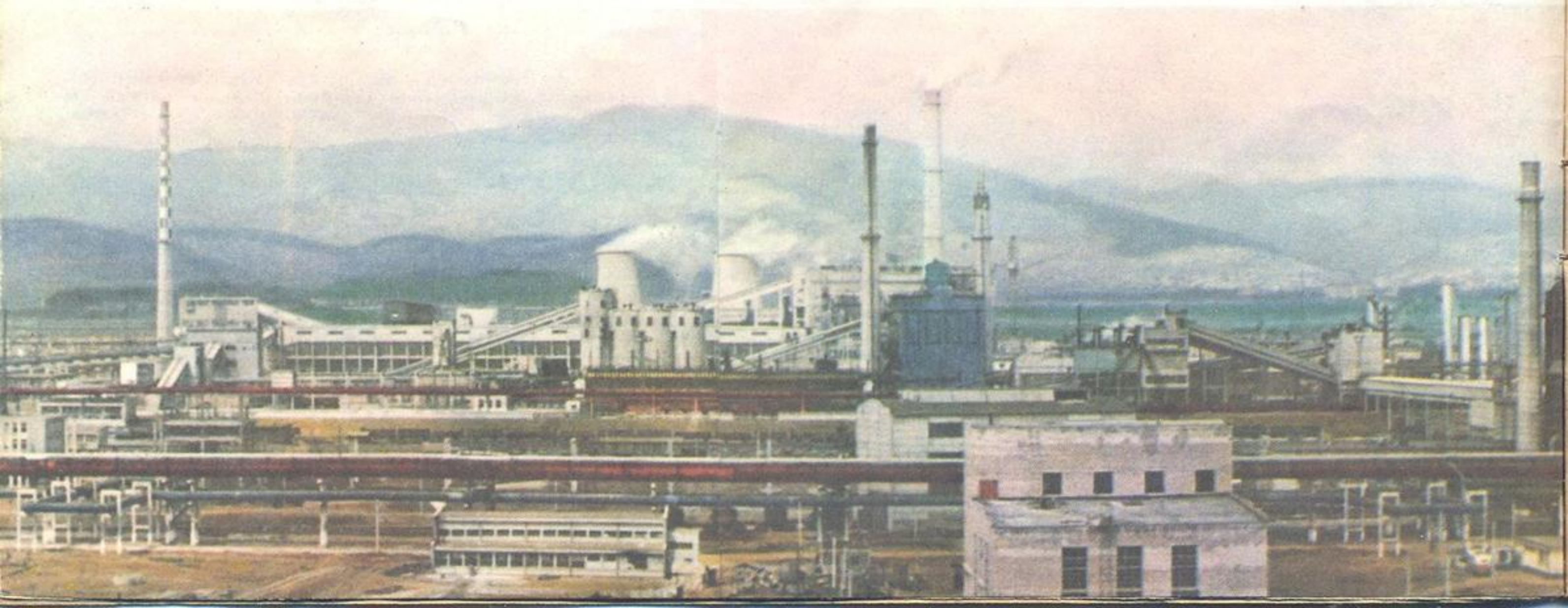

У памятника советским воинам-освободителям в Софии всегда многолюдно. Вот пришли дети...

Народная Болгария гордится работой своих ученых. Слева — атомный реактор в Институте ядерной физики Болгарской Академии наук.

Гигант болгарской металлургии — Кремиковский металлургический комбинат близ Софии продолжает расти и строиться.

Фото Г. КОПОСОВА и Ю. КРИВОНОСОВА

РОЗЫ БОЛГАРИИ

Соня БАКИШ, главный редактор болгарского журнала «Женщина сегодня»

Болгария, моя древняя и юная родина. Скоро ей исполнится тринадцать столетий. 25 лет она строит социализм.

Многие называют Болгарию страной роз. Я упомянула эти цветы и вспомнила о других розах. Об очаровательной молодой женщине, талантливой актрисе Розе Гершкович. Она могла избрать путь, на котором ее сопровождали бы слава и успех. Однако она выбрала иной — путь борьбы за свободу своего народа. Фашисты убили Розу в тот день, когда свобода была уже на пороге, — 9 сентября 1944 года.

Люди рассказывают и о другой Розе — тринадцатилетней Розе Пашкуловой из села Старо-Железаре, Пловдивского округа. Она погибла партизанкой вместе со своим отцом.

Когда я писала эти строки, мне вспомнилась еще одна Роза, тоже партизанка. В отличие от двух первых она дожила до свободы. Я говорю о Розе Коришторовой — председателе Центрального Совета профсоюзов Болгарии.

В судьбе трех этих женщин я вижу судьбу моей родины за последние несколько десятилетий: вижу ее самоотверженное стремление к свободе, жертвы, которые она принесла во имя этой высокой цели, и торжество ее победы. Напомню, что только за годы 1941—1944 погибло в боях за свободу около тысячи женщин-революционерок. Другая статистика, сегодняшняя: 80,6 процента всех трудоспособных женщин Болгарии принимают участие в общественном производстве.

Есть множество самых различных цифр, которые своим лаконичным и точным языком говорят об успехах моей республики за четверть века народной власти. Назову только одну из них. Продукция промышленных предприятий за минувший год в 30 раз превысила довоенный уровень. Иными словами, сейчас мы за 10 дней выпускаем такое количество продукции, на которое прежде понадобился бы целый год.

Несколько лет назад я побывала на машиностроительном заводе в Шумене. Тогда он выпускал отдельные части автомобиля. Был холодный февральский день. Я зябко куталась в свое пальто, и мне казалось, что весна никогда не наступит. Сек-

ретарь профкома, провожая меня до ворот, приглашала приехать к ним в мае: территория завода, от самых ворот до цехов, утопает в розах, говорила она.

Недавно я прочла в газете, что рабочие машиностроительного завода в Шумене начали монтировать автомобили, а узлы для этих машин импортируются из Советского Союза. Я непременно побываю на этом заводе. Уверена, рабочие гордятся не только своей прекрасной аллеей роз, но и продукцией, которая выходит из ворот их завода.

Некогда болгарские крестьянки сажали розы в своих двориках. Сейчас им ясно, что мало той красоты, которая радует лишь немногих. И вот кусты красных, белых, желтых роз появились на улицах, на огромных усадьбах сельскохозяйственных кооперативов, на обочинах дорог, по которым движутся комбайны, тракторы, грузовики, легковые автомобили...

Если вы будете проезжать по селам Добруджи, где 25 лет назад люди дорожке всего ценили воду, которую доставали из глубоких колодцев, и потому любой цветок считали роскошью, сейчас вы увидите улицы, усаженные розами. Они цветут на площадках новых школ, у домов культуры, у новых сельских магазинов, которым может позавидовать иной город. И когда неграмотные бабушки провожают из дома своих внучек-студенток и когда встречают их уже врачами, агрономами, инженерами, то по старому болгарскому обычаю они прикалывают им к платью букетик цветов.

«Моя жизнь в годы свободы» — так называется одна из рубрик, которую мы ведем у себя в журнале в нынешнем юбилейном году. Вот что рассказала недавно в этом разделе крестьянка Невяна Борисова из села Коматево, Пловдивского округа:

«К 9 сентября 1944 года мне исполнилось 28 лет. Я была матерью четверых детей: старшей дочери было девять лет, второй — семь, сыну — пять и младшей дочке — три годика. Люди посмеивались, что я, мол, народила батраков, потому что муж мой с малых лет батрачил на богатых родственников. После победы он стал работать на государственном строительном предприя-

тии, а я вступила в сельский кооператив. Дети подрастали, хорошо учились.

Однажды я заболела. Меня оперировали в больнице, где я пролежала целый месяц. Случись такое до 9 сентября, семья пошла бы по миру: тогда за каждую неделю я должна была бы платить 7 тысяч левов. А тут меня лечили бесплатно, и сейчас я каждый год получаю профсоюзную путевку в санаторий.

Дети мои выросли знающими и активными. Старшая дочь, Лиляна, стала акушеркой — сейчас она за границей. Вторая, Катя, получила специальность инженера-строителя и уже работает пять лет. Люди ценят ее и уважают. Сын Борис закончил машиностроительный техникум, он начальник цеха электроаппаратуры на заводе в Пловдиве. Самая младшая дочь, Галина, инженер-электрик, работает в Софии.

Вот вам и батрацкие дети...»

В дни обычные, будничные, а в праздничные особенно, вспоминаем мы, болгары, воинов, которые 25 лет назад пришли с севера, из России, по стопам своих прадедов и во второй раз принесли нам свободу. Своих доблестных освободителей — русоволосых и синеоких парней — мы осыпали тогда таким количеством роз, что они ковром покрыли землю, и танки и «катуши» проезжали по этому коврам.

По коврам из живых роз шел и человек, которого мы никогда не сможем ни забыть, ни оплакать: Юрий Гагарин — человек, первым устремившийся к звездам и сам ставший звездой человечества. Розами осыпали мы и его звездную сестру Валентину Терешкову.

Я подумала: если бы у нас оказалась одна роза, самая прекрасная из всех роз, кому мы подарили бы ее? Знаю, что любой болгарин, не колеблясь, отдал бы этот цветок своей коммунистической партии. Ей обязан болгарский народ и победой над фашизмом и успехами на пути к коммунизму.

Мы торжественно отмечаем наш национальный праздник — 9 сентября — первый день новейшей истории Болгарии. Победившая социалистическая революция осуществила заветную мечту моего народа: каждый имеет и хлеб и розы.

СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ

«Дорога одна,
другой дороги нет!
И пусть хулят нас,
пусть беснуются.
Закон такой: кто тебе, СССР, изменит,
тот великой правде изменит».

Этими стихами нашего поэта Орлина Орлинова я хочу приветствовать вас, дорогие товарищи из журнала «Работница», дорогие советские братья и сестры. Я посылаю

привет из солнечной Болгарии и всем читателям журнала.

Зовут меня Атанаска. Мне 23 года, по профессии я техник-строитель. Я замужем, имею двоих детей. Муж мой тоже техник-строитель. Мы работаем на строительстве гиганта нашей металлургии — Кремиковского металлургического комбината, который является детищем братского сотрудничества наших народов. Здесь на каждом шагу мы видим огромную помощь советских людей. Вот уже десять лет Страна Советов присылает к нам на стройку машины и оборудование, а нас, строителей, вооружает умением, волей, уверенностью. Если бы вы видели, что было раньше на месте, где сейчас раскинул свои корпуса наш завод: голое поле! Первые строители буквально тонули в грязи. Потом пришли машины и люди, поднялись первые корпуса, первые цеха вошли в эксплуатацию... Об

этом можно долго рассказывать. А до чего радостно видеть все это своими глазами! Вот уже пять лет я работаю на заводе, и жизнь у меня полная, интересная. Я не перестаю радоваться нашей дружбе с советскими людьми, а их бескорыстие меня восхищает.

Мне очень хочется побывать в вашей стране, увидеть своими глазами Родину Ленина. Хочу встретиться с москвичами, с ленинградцами, прокатиться на русской тройке.

Рассказала я вам немного о моем заводе, поделилась сокровенной мечтой, как с дорогими подругами.

С приветом, Нася.
Мой адрес: НР Болгария,
София-53
с. Челопечене, ул. 35, дом 23.
Атанаска ВУТЮВА КУНЧЕВА.

Женщины Кремиковского металлургического комбината. Электротехник Николина Стойкова обслуживает стотонную электропечь (слева). Крановщица Венцислава Радославова.

Фото Любена АНТОНОВА.

СТРАНА МОИХ ДРУЗЕЙ

Ирина ЛЕВЧЕНКО,
Герой Советского Союза

Наша танковая бригада торопилась в Болгарию. Два дня стояли мы неподалеку от границы и вот получаем боевой приказ: огня не открывать, болгарский народ ждет Советскую Армию!

И мы пошли...

Первый на нашем пути болгарский город — Нови-Пазар. Вышедшие нас встречать жители этого маленького городка — мужчины, женщины, дети — организовали такую «оборону», что ее не сумела преодолеть и гвардейская танковая бригада: танкистов на руках разносили по домам, в гости.

Навсегда запомнился мне и первый на болгарской земле дом, где нас принимали. Небольшой дворик с беседкой, увитой виноградом; пожилой хозяин в коричневой куртке; его десятилетний сын, не отходивший от нас ни на шаг, и чета молодых партизан — Недка и Мальо Кошовские, только этой ночью вышедшие из тюрьмы.

Наутро Недка разнесла по всему городу весть, что в их доме — советская девушка-«поручик»... И нам стало понятно: для здешних жителей я — наглядное свидетельство того, на что способна советская женщина.

Сколько было на военных дорогах разных городов, улиц и домов, а все помнится этот полный радушия дом в Нови-Пазаре, где я была гостем желанным и жданным.

Многие годы мне как-то не представлялось случая побывать в Болгарии, но эта страна

так или иначе проходила через мою жизнь... Подруга, свой в моем доме человек — болгарская поэтесса Лиляна Стефанова; другой родной мне человек — Цола Драгойчева — образец высокого патриотизма, истинный коммунист; для меня больше, чем просто сестра по оружию, и полковник-танкист Полина Недялкова...

И еще одна нить тянется к моему сердцу из Болгарии. Это давняя, но незаживающая боль.

Ее звали Лиля. Лиля Карастоянова. Веселая, красивая, работяга, хохотушка и сластена. Дочь болгарских коммунистов. Корреспондент «Комсомольской правды». Моя соседка по квартире.

До чего прелестная была пара — Лиля и ее муж Саша Слепнянов, тоже из «Комсомолки». Оба чуть безалаберные и заразительно счастливые. Вечно они уезжали: то куда-то в Сибирь, то в Среднюю Азию, то на Дальний Восток — и возвращались возбужденные, полные самых романтических впечатлений.

Случалось, мы подолгу засиживались на терраске, и Лиля, задумчиво глядя в полное звезд небо, говорила о матери, оставшейся на родине. Лиля в подробностях помнила обстановку софийской тюрьмы: там началось ее детство, потому что Лилину мать заточили за решетку вместе с маленькими детьми. Потом детей удалось привезти в Советский Союз, здесь они и выросли... Лиля писала бесконечные нежные письма к матери — письма,

которые никуда не отправлялись.

Так жили мы до войны. Так потихоньку входила в мою жизнь Болгария.

А потом сорок первый год, война...

Я ушла на фронт, Лиля немного позже меня — в партизаны. Журналистка, она взяла в руки автомат, болгарка по происхождению, она воевала в лесах Белоруссии и погибла там героически.

...Как различна протяженность военных и мирных дорог: дорогой войны мы шли в Болгарию три года, дорогой мира я прилетела из Москвы в Софию за три часа.

В Парке Свободы я остановилась перед памятником. У подножия величественного обелиска стремительные фигуры бойцов-партизан. С волнением смотрю на молодые, навсегда окаменевшие лица — и вдруг открытие! Как я не сумела увидеть сразу? Эта девушка, устремленная вперед... это же она, моя подруга! Да, это ты, Лиля Карастоянова, дочь Болгарии, советская партизанка!

Помнишь, как мечтала ты о новой, прекрасной, счастливой Болгарии! Она стала такой!

Я проехала по земле твоей родины, Лиля, и порадовалась за твой народ. Я вернулась в тот первый свой болгарский город, Нови-Пазар. Нас повезли на крупнейший фарфоровый завод — «Китка». Ничего похожего здесь раньше не было. Завод отстроен после войны да и сейчас еще строится и совершенствуется. Работают на нем в основном женщины. Я

ходила по цехам, видела их быстрые руки и светлые лица, встречалась с инженерами и художницами, которые горды своим предприятием, любят свое дело, смотрела на них и думала: а не они ли когда-то встречали нашу бригаду и дивились тому, что среди советских танкистов есть девушка-офицер...

На новый металлургический комбинат Кремиковцы лучше приехать вечером, когда вспыхнут огни в его бесчисленных корпусах и темное небо осветится пламенем домен. При жизни моей подруги, думала я, глядя на белозубых сталеваров, орудовавших возле огнедышащих печей, не было в ее стране даже такой профессии — металлург, а теперь Болгария делает машины из собственного металла.

Я познакомилась с людьми, которые научились создавать точные приборы, собирать транзисторы и автомобили, разрабатывать модели машин, каких до Дня свободы не знала эта страна.

Я не нашла и следов нищей болгарской деревни. Веселые улицы — ряды новых домов под красными крышами — словно даже не деревни, а маленькие города. И виноградники без конца и без края, и румяные плоды на деревьях вдоль дорог...

Новой Болгарии двадцать пять лет. Расти и крепи, страна социализма! Счастья и радости прекрасному твоему народу. Прими, милая земля Болгария, страна моих друзей, поклон и привет от советского народа, от советских женщин.

...ИЗ НЕЕ ВЫШЛА БЫ, НЕСОМНЕННО, ВЫДАЮЩАЯСЯ И ПРЕДАННАЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРКА...

А. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА.

УЛЬЯНОВСКИЙ ХАРАКТЕР

Жил на свете человек, умный, добрый. Встречал двадцатую в своей жизни весну. Неприятливую петербургскую весну с ветренными, пасмурными днями. Радовался редкому солнцу. Радовался тому, что скоро кончатся экзамены и можно будет наконец ехать в Самару. Там заждались, не виделись почти год. Как хорошо! Целое лето будут они снова все вместе — Аня, Володя, Митя, Маняша и, конечно, мама. А осенью (неужели осуществится?!), должен открыться медицинский факультет на Бестужевских курсах. Медицина — такое заветное, желанное.

Встречал человек весну, был полон надежд и планов! Но не был сдан последний экзамен, не было поездки к родным... Ничего больше не было, кроме жара, неудобной больничной кровати...

И чья-то бесстрастная рука несколько времени спустя вывела очередную запись в канцелярской книге физико-математического факультета Бестужевских курсов:

«Ольга Ильинична Ульянова. Родилась 4/XI—1871 г., дочь действительного статского советника, кончила курс Симбирской Марининской женской гимназии с золотой медалью в 1887 г., поступила на Бестужевские курсы в 1890 г. на физико-математический факультет.

Скончалась 8 мая 1891 г. в Александровских бараках от брюшного тифа, похоронена на Волковом кладбище».

8 мая... Каким роковым стал этот день для Ульяновых! 8 мая 1887 года на семью, еще не оправившуюся после внезапной смерти отца, обрушился страшный удар — казнь Александра.

Володе только-только исполнилось семнадцать, Оле не было еще и шестнадцати. И он и она держали в ту весну выпускные экзамены. И он и она, внезапно повзрослевшие, поражавшие всегда преподавателей своими способностями, поразили теперь волей, самообладанием, выдержкой. Позже в Олином письме к подруге по гимназии Саше Щербо промелькнули строки: «Ты права — сожалений я не принимаю, это не из гордости, а просто не в моем характере». «Сожалений я не принимаю...» Наверное, именно в те дни испытания горем, под отчужденными взглядами людей, поспешивших раззнакомиться с Ульяновыми, дабы ничем не рисковать, и проявилась в девочке такая сильная, такая ульяновская черта.

«По возрасту Ольга более всего подходила к Владимиру Ильичу, и они жили в то время общими интересами».

«О ней мало известно, между тем это был самый близкий, лучший товарищ Володи в годы детства и юношества», — вспоминают сестра и брат, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич.

«О ней мало известно...» Да, мы знаем Олю только в детстве. Знаем про знаменитую «брыкаску», про игру в индейцев. Видим бойкую черноглазую девочку, готовую целыми днями прыгать на одной ножке...

Но уже в эти ранние годы была и другая Оля.

Вечер в доме на Московской улице Симбирска. Тихий, привычный ульяновский вечер: мальчишки — в своих комнатах, на антресолях, а в столовой, за большим столом, Мария Александровна, Аня, Оля... Каждый в эти часы тишины уходит в свои книги.

«Мне было 4 года, когда моего старшего брата начали учить грамоте. Я была очень дружна с братом и не хотела от него отставать; мои родители не учили меня, думая, что я еще мала и мне будет трудно; но у меня была большая охота учиться, и я выучилась сама с помощью старшей сестры и брата. Читать я очень любила и читала довольно много. ...летом, когда мой старший брат, учившийся в гимназии, был свободен, он занимался со мною: заставлял меня читать и рассказывать прочитанное» — так будет писать о себе позже сама Оля в одном из гимназических сочинений.

Четкий, красивый почерк — девочки очень аккуратной, абсолютная грамотность, свобода в изложении — девочки много читающей. Но почувствовал ли преподаватель словесности, как всегда, поставивший за сочинение высшую оценку, ту атмосферу, в которой растет его лучшая ученица? Атмосферу ульяновской семьи, где все заботятся друг о друге, где все настолько

близки, что свойства характера одного передаются другому. Здесь все любили и умели работать, но трудолюбие Олино было особенным. «...она не работала только тогда, когда спала», — вспоминал Дмитрий Ильич. Анна Ильинична рассказывает: «Помню, как в одном из последних классов гимназии, Володя, слушая из соседней комнаты бесконечные этюды Оли на фортепиано, сказал мне: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать».

После нее могло бы многое остаться. Может быть, научные труды, книги, дела, которые позволили бы говорить о ней не только как о сестре великого человека. Но последняя весна была двадцатой — и остался гимназический дневник для записи заданий, где по понедельникам расписывалась мама, несколько сочинений, конспекты, литературные переводы со шведского, стопка писем маме, сестре и гимназической подруге Саше — Александре Федосеевне Щербо, ставшей впоследствии сельской учительницей.

И даже это немного приоткрывает такой чистый, добрый, богатый и беспокойный мир Оли Ульяновой, что потом думаешь и думаешь о ней, остаешься в плену ульяновского обаяния.

Да, она Ульянова! С ульяновской душевной тонкостью и чуткостью к другим. Узнала, что больна одна из гимназических подруг, — и в письмах к Саше Щербо просит настойчиво рассказать о ее здоровье, волнуется... Из Петербурга вдруг сообщает домой, что привезет на лето в Алакаевку одну курсистку: на лето ей некуда деться, значит, само собой, поедет к ним.

С ульяновской знакомой скромностью... «...Хотя я ношу черное платье, — сообщает Оля маме, которой, конечно же, хочется знать все-все о детях, — но неряшливо никогда не хожу, потому что всегда чищу его щеткой и делаю некоторые улучшения...»

С ульяновской требовательностью к себе, стремлением к самосовершенствованию, широким знаниям.

В восемнадцать владела четырьмя языками. Читала по-немецки, французски (эти языки преподавались в гимназии). Самостоятельно изучила английский, шведский.

«Незаурядная девушка», — отмечают все знавшие Ольгу. Но незаурядность — не только блестящие способности.

Незаурядность пробивается в стремлении найти всему свою оценку с позиции высоких требований к жизни. Читает Белинского — и никак не может принять его ранних сочинений, разделить утверждение: «искусство для искусства». Но зато какое удовлетворение приносят его более поздние сочинения, которые (она так считает) должны стать настольной книгой молодых. И в Олиной душе остается преклонение перед нравственным мужеством Белинского, не побоявшегося публично признать ошибочность прежних мнений...

Незаурядность — в неприятии сестры, узости интересов.

«Мне грустно думать, — пишет она Саше Щербо, — что у нас в гимназии был какой-то институтский дух, главными распространительницами которого были пансионерки.

Ведь у нас в классе за ничтожным исключением никто не имел любви к науке, серьезного отношения к ней, желания узнать что-нибудь кроме учебника и узнать для себя, а не ответа учителю.

...А сколько у нас было хороших учениц, т. е. хороших в смысле способностей, а не отношения к делу!

ПОДРУЖКА

Ольга Ульянова. 1887 г.

Всех губили эти институтские глупости: беганье, бантики, ленточки, балы, кадеты и т. д., и все интересы становились мелки и пусты. Меня даже злба разбирает, когда подумаю об этом...

Может быть, я уж слишком строга (на свой аршин нельзя мерять!), но, к моему собственному сожалению, в сказанном на этой странице слишком много горькой правды, чтобы не извинить резкости выражений».

Письма шестнадцати-семнадцатилетней Оли. Она писала их подруге из Казани, Кокушкина... Нет-нет да и напомним о себе ее еще такое недавнее детство — смешным рассказом о солнечном затмении, которое она наблюдала в деревне, разудалой подписью — «Лелька Ульянова» — в закорючках... Но это письма человека, уже столкнувшегося со сложностью жизни. Не зажила еще глубокая рана — смерть Саши. Нет, совсем нелегко было писать подруге внешне спокойные строчки: «Очень тебе благодарна, что ты просветила меня относительно того пункта, что мне многие боятся писать. А мне самой это было невдомек.

...Иногда бываешь так глупа, что потом становится самой совестно — но уж прошлого не воротись!»

На семью обрушивается новая беда — арест Володи.

«Да, признаться, в начале декабря мне было и не до писем: ты, верно, слышала, что здесь были беспорядки в университете; студенты подали петицию, где, между прочим, требовали отмены инспекции; хотя все они были страшно возбуждены и разгорячены, но сдерживались и были вежливы с профессорами; но инспектор вывел их из себя и его поколотили. За эти беспорядки с студентами обошлись очень сурово (по приказанию инспектора): всех заподозренных в участии в беспорядках арестовали и выслали из Казани (в числе их и моего брата).

...Может быть ты уже слышала все это? Я не имею претензии сообщить свежие известия, но пишу об этом потому, что меня это очень близко касается».

«Близко касается...» Касается не только горе матери, ее тревога: и второй сын встал на путь борьбы. Ее близко касается, вызывает горячий протест порядок жизни, при котором жестоко подавляется все справедливое, честное. «...понемногу открываются все более и более темные стороны жизни, и мне кажется, что довольство окружающим могло быть только в детском неведении».

Признается подруге, что случаются нередко минуты грусти, но, почувствовав в ответных письмах горькие ноты, стремится разогнать их, горячо убеждая, что нельзя жить без веры в собственные силы, без ясной цели.

«Помнится, что мы даже в педагогике учили, что в душу человека вложено стремление к истине и к идеалу. Из этого я заключаю, что человек должен всегда верить в людей, в возможность лучшего на земле, несмотря на личные разочарования, потому, что так уж он создан. А если не верить в людей, не любить их — тогда для чего же жить?»

Раздумья на пороге жизни. Чему посвятить себя? Ольга

очень любит музыку и занимается ею серьезно, и все-таки нет, не может она позволить себе искать здесь призвания.

«Да, конечно, музыка чудная, прекрасная вещь, источник чистого наслаждения... Только помнишь ты, Саша, что мы перед моим отъездом из Симбирска говорили о музыке, и я тогда сказала, что мне кажется как-то совестно отдаться музыке, если можешь приносить какую-нибудь более существенную пользу. Ты тогда со мной вполне согласилась, и, конечно, теперь скажешь то же самое. Разумеется, это по отношению к обыкновенным смертным, а не к выдающимся, не к Моцартам или Бетховенам».

Жить, чтобы отдать все лучшее в себе людям. Но как? Выбор пути для женщины в то время был ограничен. Есть такой прекрасный и благородный путь, как учительство. И Ольга очень советует Саше подать прошение на место учительницы народной школы. Доказывает ей, что никак нельзя завидовать их бывшей соученице Марковой, получившей место преподавательницы французского языка в гимназии. Ну что это дает? Положение в обществе, жалованье? Преподавание ведется плохо, и она ничего не сможет изменить, дабы не вызвать гнев начальства, но зато народная учительница... Сколько своего она может передать другим! «...она видит своих учеников не раз три по часу в неделю, а каждый день и, следовательно, кроме науки, может сказать им живое слово...»

Себя она видит врачом, и только врачом. Но Петербургский женский медицинский институт был в то время закрыт, и она решает ехать в Гельсингфорс. Придется много и серьезно готовиться. Изучить совершенно незнакомый шведский язык. Упорства хватит. Уже засела за самоучитель, выписывает из Риги шведско-немецкий лексикон...

«...Голова полна мечтами о поездке в Гельсингфорс»; «...когда я подумаю о том, что можно достигнуть, то чувствую, как будто у меня крылья вырастают».

Поступить в медицинский не удалось, оказалось, что в Гельсингфорсе, кроме шведского языка, требуется еще и финский. Обидно терять время... Может быть, тогда Бестужевские курсы? Физико-математический факультет?

Обратясь к самарскому губернатору с просьбой выдать ей свидетельство о благонадежности для поступления в высшее учебное заведение, Ольга, наверное, не знала, какое смятение вызвала у вице-губернатора Брянчанинова. Нет, он не может на свой страх и риск расписаться в благонадежности этой девятнадцатилетней девушки. Хотя ни в чем предосудительном она замечена не была, но она Ульянова. Надо бы заручиться мнением департамента полиции. Он так и сообщает в Петербург: «Живет вместе с сестрой Анной Елизаровой, состоящей под гласным надзором полиции, и братом Владимиром Ульяновым, состоящим под негласным надзором полиции...»

А ведь не напрасно тревожился самарский вице-губернатор. В списках прочитанного и того, что предстоит прочесть, мы видим у Ольги те же самые книги, что изучал брат. Опасные, по мнению блюстителей самодержавия.

«Где силы, способные взорвать существующий строй?» — вопрос, на который искал ответа брат, и ей не давал покоя. Она знакомится с сочинениями Михайловского, Лассаля. Серьезно изучает труды по крестьянскому вопросу в России... Читает Маркса — «Капитал», «Нищету философии», Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии»...

Сохранился Ольгин конспект «Капитала». И это не только логично и ясно изложенный Маркс, а Маркс понятый и принятый.

«Интересно бы поговорить по всяким «вопросам», — писала Ольга Владимиру Ильичу из Петербурга в Самару, — да как-то не клеится в письме. Постараюсь как-нибудь в другой раз, а там, может, ты к концу апреля будешь здесь».

Да, она близка с братом. «Она страшно высоко его ценила, — вспоминает Ольгина подруга по Бестужевским курсам З. П. Невзорова-Кржижановская, — и, по-видимому, по его указаниям работала». «...из нее вышла бы, несомненно, выдающаяся и преданная революционерка...» — это не просто предположение старшей Ольгиной сестры, а обоснованная уверенность.

Скупые строчки воспоминаний, маленькая стопка писем... Приоткрывшийся ульяновский характер. Чем он так волнует? Целеустремленностью? Необыкновенным упорством? Да. Но ловишь себя на том, что думаешь не только о девятнадцатилетней девушке, обаяние которой совсем не стерли отделившие ее от нас десятки лет, а думаешь о настоящем, об окружающих людях, о себе. И вопросы, которые, быть может, возникали и прежде, становятся вдруг очень беспокойными. Так ли уж ты требователен к себе? Достиг ли того, что мог бы? Не часто ли берет в тебе верх мелкое, суетное? Не заслоняют ли главного ничтожные заботы и разочарования? Не слишком ли много у тебя бездарно и бесполезно прожитых часов и дней?

Т. АЛЕКСАНДРОВА

БЕСТАКТНОСТЬ

ИЛИ

ПОДЛОСТЬ?

«Я ужас какая любопытная», — кокетливо сообщила о себе одна моя корреспондентка Икс. Почему она Икс? Потому что Икс — величина неизвестная. Ею она и пожелала назваться, тем более, что ответа не требовала и просила лишь о «маленьком пустячке»: опубликовать то, что прилагала к своему письму, — дневник подруги.

Как он попал в ее руки? Но она ведь «ужас какая любопытная»! Однажды просто так заглянула в портфель подруги и заметила тетрадь, которую не видела прежде. Потом просто так ее открыла. Просто так все прочла...

Оказывается, подруга (тут уж Икс назвала и имя и фамилию девочки) влюблена в одного мальчика (его тоже Икс не оставила неизвестным) из их класса. И — подумать только! — пишет ему стихи. Поместите их в журнале. Стихи очень хороши! Пусть он все узнает! Ну что вам стоит? — умоляла Икс.

Я не могла, Икс, оставить твое письмо без внимания. И для начала обращаюсь к тебе со столь же настойчивой просьбой, как твоя: останься по-прежнему анонимом, коль не хватает мужества назвать себя, но сообщи поскорее адрес подруги, чтобы я могла вернуть ей дневник.

Тебе непонятно, быть может, эта просьба? Тебе, быть может,

нужно объяснить, что дневник — это личное? Его писала подруга не для тебя, не для тысяч читателей и даже не для того мальчика, а для себя.

Твое же любопытство постараюсь удовлетворить, не публикуя украденных стихов, которые действительно неплохи. Тебе ведь больше всего хотелось увидеть, что будет потом. Ты ждала, наверное, с замиранием сердца, что начнется в классе, если дневник напечатается. А ты подумала о том, как бы чувствовала себя твоя, как ты говоришь, близкая подружка? Я позволю тебе заглянуть в несколько писем, адресованных мне.

«Вот уже целый месяц хожу в школу, как на пытку. Кажется, что мне все смотрят вслед с насмешкой и злорадством. Один мальчик прочел без разрешения мой дневник и поспешил сообщить об этом своим друзьям. На следующий день мне не давали прохода. «Да ты у нас философ! Как это ты написала?..» «Отличница называется, а у самой любовь на уме?» Вчера не выдержала — разревелась при всех, кто-то из девочек кинулся успокаивать: «Не обращай внимания!» Легко сказать! У меня сейчас одно желание: бросить все — и школу и дом — и уехать куда глаза глядят! Никогда не думала, что люди могут быть так жестоки!»

Да, это жестокость. А тот

мальчик, очевидно, как и ты, Икс, просто так прочел чужой дневник, просто так всем рассказал.

Один «рыцарь» просто так написал хорошей девушке письмо: «Очень хочу с тобой дружить!» А получив в ответ «да», весело смеялся со своими приятелями: это была, как оказалось, шутка.

«Вчера я шла из библиотеки домой, а около школы стояли знакомые мальчишки, и с ними вместе был Г., с ним мы дружим. Один парень отпустил в мой адрес ехидную и очень обидную реплику. Все громко засмеялись. Г. тоже смеялся. У дома он догнал меня и начал извиняться, убеждать, что смеялся просто так, потому что все смеялись. Я не выдержала, ударила его по щеке и убежала. Как мне это пережить, не знаю...»

Сколько же совершается мелких, злых, а то и подлых поступков «просто так»!

«Мне семнадцать лет. Я дружу с одним парнем с нашей улицы. Мы работаем на одном заводе, учимся в вечерней школе. Вместе занимаемся, он помогает мне по математике. Иногда ходим вместе в кино. А все ребята из нашей бывшей компании вдруг начали над нами смеяться. Идем по улице, а вслед: «Ромео и Джульетта!» «Любовь — не вздохи на скамейке!» Мне как-то ужасно неловко и стыдно перед моим другом. И мы невольно стали прятаться от всех. А это унижительно. Что же делать?..»

Просто так... Ради любопытства, ради шутки, — а в чьей-то душе острая боль.

У тебя не было, Икс, таких вот мучительных минут, когда теряешься от неожиданно жестокого удара, не знаешь, куда деться от досады и обиды? На-

верное, были. Тебе ведь шестнадцать, а может быть, уже семнадцать лет. Человек в твоём возрасте очень чувствителен и уязвим. Самое лучшее, конечно, не обращать внимания на насмешки, обескуражить противника своей невозмутимостью, встать выше мелкого и злого, и тем самым заставить уважать себя. Но не всегда это удается, не всегда хватает самообладания.

Твое письмо, Икс, и твоя просьба о «маленьком пустячке» дают основание думать, что ты сознательно хотела причинить подруге боль. И знала, что поступаешь дурно — ведь скрыла же ты свою фамилию, а фамилию подруги назвала.

Но гораздо чаще такие поступки говорят об отсутствии элементарного такта. Что такое такт? Это не только вовремя сказанное «здравствуйте» и «извините», не только предложенный пожилому человеку стул, не только пальто, поданное мальчиком девочке в раздевалке. Такт — это умение жить и держать себя таким образом, чтобы ни словом, ни жестом, ни поступком не причинять никому незаслуженных обид.

Как этому научиться? Есть один верный способ. Прежде чем сделать или сказать кому-то что-то «просто так», поставь себя на его место. Вообрази, что это сейчас скажут или сделают тебе. Поставь себя, Икс, хоть на минуту на место своей подруги. Надеюсь, теперь ты не считаешь свой поступок невинным? Не умиляешься своему любопытству? Так выполни мою просьбу, пришли поскорее подружкин адрес. Хочется верить, что ты не безнадежный человек.

С приветом
«ПОДРУЖКА».

Мамины уроки

В ваших письмах, девочки, есть вопросы, на которые маме ответить трудно: нужен совет специалиста. Поэтому сегодня наш разговор (по-прежнему откровенный!) ведет врач-косметолог Л. А. ДРАНОВСКАЯ.

«...У меня большой недостаток во внешности — волосы на руках. И я стесняюсь ходить с открытыми руками. Я пробовала их поджигать, но ничего не вышло.

Лена Т., г. Волжский».

Вероятнее всего, «большой недостаток» замечен тебе одной, а на самом деле вовсе тебя не портит. А вот такие манипуляции, как поджигание, бритье, натирание пемзой, действительно могут привести к тому, что волосы, ранее почти незаметные, станут черными, жесткими, колючими. Полностью избавит тебя от этого недостатка лишь врач при помощи метода электрокоагуляции. Но учти, что эта процедура неприятна, длительна, и стоит вытерпеть ее лишь в крайнем случае, например, если много волос на лице. А тебе советую просто обесцветить волосы на руках, что-

бы они меньше бросались в глаза. Насыпь в чашечку одну-две чайные ложки мыльного порошка, налей несколько капель перекиси водорода, чтобы получилась кашица, а потом добавь несколько капель нашатырного спирта. Намажь руки, а минут через 20 вымой теплой водой. Делай так через день, пока волосы не посветлеют.

«...Я очень прошу, расскажите подробнее о лечении угрей. Это так неприятно! Все говорят, подрастешь — пройдет. До скольких лет расти? И пока не выросла, ходить уродиной?»

Наташа В., г. Новокузнецк».

«Ходить уродиной», конечно, не стоит. Угревая сыпь сама по себе может исчезнуть лишь годам к 25, а то и позже — вряд ли разумно столько времени ждать. Если во многих других случаях жалобы девочек на косметические дефекты кажутся нам преувеличенными, то об угревой сыпи этого не скажешь: действительно, неприятное, угнетающее человека заболевание. Но из своего многолетнего опыта врача я сделала такой

вывод: есть девушки, которые приходят в уныние из-за нескольких совсем незаметных прыщиков и, право же, тем самым приковывают к ним и свое и чужое внимание. А у других и серьезные косметические недостатки незаметны, потому что видишь не эти недостатки, а веселое лицо, умные глаза, обаятельную улыбку.

Я не могу, к сожалению, прописать вам, девочки, чудодейственное лекарство, которое сразу и навсегда избавит вас от угрей. Вместо этого посоветую в течение двух месяцев три раза в день принимать сразу после еды по таблетке поливитаминов. Вы разочарованы? Напрасно. Современная медицина утверждает, что витамины — самое надежное оружие против вашей болезни. Но будьте очень аккуратны, не пропускайте ни одного дня. И не забудьте: сразу после еды. Если опоздаете, задержитесь — на лице могут появиться красные, зудящие пятна. Они, правда, скоро пройдут, но лучше, если бы их вовсе не было.

Через два месяца сделайте перерыв недели на четыре, затем повторите все сначала.

Во время лечения не умывайтесь с мылом, а протирайте ли-

цо утром пятипроцентным левомицетиновым спиртом, а вечером — спиртовым раствором содержащим серу (купите их в аптеке по рецепту врача). И, конечно, следите за регулярной работой кишечника. Есть можно все, но если вы очень уж любите сладкое и соленое, немного ограничьте свой аппетит.

Ни в коем случае не выдавливайте угри, особенно гнойнички, это лишь вызовет появление новых, к тому же более крупных, уплотненных, которые оставляют после себя синие пятна. Чтобы пятна побледнели, тоже протирайте их утром и на ночь пятипроцентным левомицетиновым спиртом, а потом смазывайте белящей мазью, рецепт которой даст врач-дерматолог.

ПОДРУЖКА

Здесь со мной мой сын Борис Анатольевич Бонцаревич. У меня их четверо — Зина, Олег, Боря и Юра.

ДВА ЧЕМОДАНА ПИСЕМ

Наши читатели, вероятно, помнят историю Олены Нищенко, которую мы рассказали на страницах «Работницы» в сентябре 1968 года. Вместе со своими ровесниками Олена без малого сорок лет назад приехала по зову комсомола в таежные дебри на Амуре и строила там город, который теперь известен всему миру, — город Комсомольск.

История Олены Нищенко заинтересовала многих. В Кривой Рог, где теперь она живет, со всех концов страны посыпались письма, к ней направились делегации школьников, ее начали приглашать на встречи с молодежью. Всем хочется познакомиться с этой женщиной, узнать подробности ее жизни. Но вот беда: Олене Тимофеевне просто не под силу отвечать на все эти дружеские запросы. И она написала нам:

«Дорогие товарищи! Очень много писем ко мне идет, уже накопилось два чемодана. И все просят рассказать еще подробнее, как мы строили Комсомольск. Я от радости плачу, что мне выпала на сердце такая радость. Ко мне очень заботливо относятся наша партийная и комсомольская организации. Меня приглашают делать доклады, наградили меня значком, подарили книги.

Больше всего проявляют ко мне внимания дети, — меня даже выбрали почетной пионеркой. Я уже выступала в 107-й средней школе, в 93-й, в 62-й, в техникуме, в 32-й средней шко-

ле, в 33-й, в 57-й, в 52-й, в интернате № 5, в интернате № 7. Делала доклад еще на большом собрании, посвященном 50-летию комсомола.

А сама я продолжаю работать, — сидеть сложа руки не могу. Правда, здоровье меня чуть не подвело, но врачи меня пожалели и спасли. Я перенесла четыре операции и выздоровела, что опять говорит за то, что я счастливая.

Но вот чем я недовольная собой: никак не могу всем послать свои фотографии, а их просят сотни людей. Не знаю, наверное, это нескромно, но я решила так: пошлю вам все снимки, какие у меня сохранились за годы моей жизни, надпишу их, а вы передайте редакции «Работницы». Может, они сочтут возможным их напечатать...»

Ну вот прочли мы письмо, поглядели на фотографии, приложенные к нему, и решили: надо предложить «Работнице» напечатать эту страничку из семейного альбома рядовой украинской работницы, которая начала трудовую жизнь еще в двадцатые годы — батрачкой у кулака, строила в тайге комсомольский город, самоотверженно трудилась в годы войны и продолжает работать и сегодня.

Сколько их таких, безмянных и скромных, в нашей стране — десятки миллионов! И каждая из них увидит в Олене Нищенко себя самое.

Юр. ЖУКОВ,
Р. ИЗМАЙЛОВА

Это я, О. Т. Нищенко, перед отъездом на стройку города на Амуре, когда поехала с первым комсомольским эшелонном выполнять заветы Владимира Ильича Ленина.

А это я была стрелочницей в воинской части...

НЕТ

В прошлом году я участвовала в сессии подкомитета текстильной промышленности Международной организации труда при ООН, которая проходила в Женеве. На одном заседании обсуждался вопрос о путях становления текстильной промышленности в развивающихся странах. На сессии я официально именовалась «представителем предпринимателя СССР» (в отличие от двух других моих товарищей и соотечественников: «представителя профсоюзов» и «представителя правительства»). Получив от председателя слово, я рассказала, какую помощь готова оказывать и уже оказывает развивающимся странам, их текстильной индустрии моя родина. Потом выступил американец. Тон его речи подкупал своей доброжелательностью, оратор прямо-таки распинался в искреннем желании способствовать всеобщему прогрессу.

Что же предлагал представитель Соединенных Штатов положить на алтарь прогресса развивающихся стран?

В африканских странах, говорил он, много свободных рабочих рук. Поэтому мы окажем им лучшую помощь, передав свои старые машины, которые благодаря своей низкой производительности смогут поглотить этот избыток рабочей силы.

«Очень своеобразна ваша «забота о прогрессе», — хотелось мне перебить американца. И я высказала это, правда, в иной форме, еще раз попросив слова. Потом выступили и два других наших товарища. Все мы говорили о том, как понимают помощь советские люди и почему мы не будем голосовать за американское предложение.

— Зачем же, — говорили мы, — искусственно заставлять молодые страны топтаться на месте, если есть возможность помочь им действительно двигаться вперед? Не устаревшие, вытесненные временем машины нужно туда сбывать, а учить африканцев овладевать современными; не на вчерашний день их ориентировать, а на завтрашний, иначе им никогда не дотянуться до развитых стран, не избавиться от зависимости...

Это был один из тех случаев, когда представители Страны Советов отстаивали не просто свою точку зрения, а коренные позиции нашего государства. Да,

ВЫШЕ ДОЛГА

В. А. ОРЛОВА,
директор ленинградской
трикотажной фабрики
«Красное знамя»

нам не все равно, как складываются судьбы других народов; мы кровно заинтересованы в том, чтобы молодые страны быстрее избавились от последствий колониализма, чтобы в них складывались благоприятные условия для перехода к социалистическому развитию. Не соображением выгоды диктуется эта наша заинтересованность, а чувством интернационального долга.

Очень широкое и очень емкое понятие — интернациональный долг. Спросите мастера, инженера, работницу нашей фабрики, и они ответят, каков их собственный вклад в исполнение этого долга.

Помогали своим коллегам-трикотажникам из Ирака осваивать новые машины. Отправляли посылки во Вьетнам. Подписывались под требованием (или голосовали за него): «Свободу патриотам Греции!»...

И все-таки не это главное. Каждый наш работник понимает, что выполняет интернациональный долг своим повседневным делом, что его место в общепролетарской борьбе, борьбе против империализма — это цех, лаборатория, конструкторское бюро, где общими усилиями создается экономическая мощь Советского государства, прокладываются дороги в коммунизм.

Еще в то далекое время, когда наша страна была бедна и малосильна, Владимир Ильич Ленин говорил: «Главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой». Ленин предвидел, что общество, свободное от пут частной собственности, откроет широкий простор человеческим талантам, развитию всех производительных сил, и созданная на этой основе мощная экономика будет лучшей агитацией за социализм. От хозяйственных успехов зависит сегодня обороноспособность нашей страны и в немалой степени — всего социалистического содружества, возможность противодействовать империалистической политике агрессии и войны. От этих достижений зависят и наши возможности поддерживать революционное и освободительное движение народов. От них зависит, каким примером для трудящихся стран капитала и вчерашних колониальных стран служит советский обществен-

ный строй: с успехами социализма связывают они собственные надежды на лучшее будущее.

Сегодня величайшим завоеванием международного рабочего движения коммунисты всей земли справедливо считают существование социалистической системы — этой главной силы всемирной борьбы против империализма. В рождении системы социализма история отвела нам, советским людям, роль первопроходцев, на долю которых выпали и самые большие трудности и самые большие радости открытий. На международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве многие говорили об этом. Руководитель венгерских коммунистов товарищ Янош Кадар сказал: «Нет ни одной социалистической страны, которая могла бы заявить, что ее существование не зависит от существования первого социалистического государства, равно как нет ни одной страны, надежные перспективы социалистического развития и безопасность которой не были бы защищены существованием, интернациональной политикой, могучей силой Советского Союза».

С волнением, с гордостью читаешь эти слова и понимаешь, что, сказанные о всей нашей стране, они касаются и тебя и каждого из нас. И чувствуешь, как это ответственно — быть гражданином родины Ленина, родины Октября.

У себя на фабрике мы часто принимаем гостей из разных стран: приезжают за опытом наши коллеги («Красное знамя» — старейшее и самое крупное в Союзе трикотажное предприятие), бывают делегации — профсоюзные, женские, посещают нас журналисты.

Обычно уезжают гости, а в цехах, где они побывали, еще долго обсуждают: чем интересовались приезжие, что видели, главное же — как отзывались о фабрике. И дело тут вовсе не в том, «понравились» ли мы иностранцам. Рабочим хочется знать, с чем уезжают от нас гости, о чем расскажут в своих странах.

Я уже упоминала иракских трикотажников, которые учились у нас работать на новых машинах (в это же время группа специалистов «Красного знамени» помогала налаживать производство на только что отстроенной фабрике в Ира-

ке). Знаю, сколько старания, терпения вложили в это работницы и мастера — самые опытные работницы и самые лучшие мастера. Но не только опыт усвоили наши иракские коллеги от своих учителей. Несколько месяцев они жили в социалистическом климате, очищенном от эксплуатации, в атмосфере товарищества, общей заинтересованности, общей ответственности за дело — и это, по-моему, не менее важный урок.

Когда я думаю о том, какая высокая ответственность быть советским человеком, то беру за образец такой ответственности наших коммунистов и среди них сменного мастера Вольвачеву. На фабрике Анна Никаноровна с 1916 года и с 1930-го — в партии. Работу сменного мастера не выразишь процентами или другими конкретными показателями. Ее показатель — всегда исправное оборудование, а в это вложено и безупречное знание машин — старых и новых, надежных и капризных, отечественных и зарубежных, и какая-то высшая добросовестность.

И по возрасту и по рабочему стажу Анне Никаноровне можно бы и отдохнуть, но если у человека в приложение к его умению и знанию есть еще незатухающий интерес к делу, к людям, ко всему происходящему рядом, в цехе, и совсем далеко — в Америке, во Вьетнаме, в Китае, — уйдет ли такой человек на отдых? Я не знаю случая, когда бы Анна Никаноровна попросила скидки на возраст или переложила на другого хоть малую часть своей работы.

Я назвала бы ее совестью цеха, потому что рядом с ней стыдно, непозволительно знать и делать свое дело посредственно. За такими, как она, подтягивается весь рабочий строй.

В рабочем строю нашей фабрики около 10 тысяч человек — вязальщицы, швеи, красильщицы, лаборантки, художники, мастера, инженеры, работники вспомогательных служб. Из них 3 235 человек — ударники или члены коллективов коммунистического труда. Почти 1000 человек выполнили четырехлетний план, а 337 рабочих трудятся уже в счет будущей пятилетки.

В трудовых успехах, в накале социалистического соревнования и выражается высокая интернациональная сознательность советского рабочего человека.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ А ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИ

МЫ ОБВИНЯЕМ империализм в том, что он превратил эпоху, открывшую невиданные ранее возможности для прогресса человечества, в такой период, когда миллионы людей влачат жалкое существование, наполненное страхом и ужасом.

МЫ ОБВИНЯЕМ империализм в том, что всего за шесть десятилетий нашего века он принес человечеству больше смертей и разрушений, чем за сотни предшествующих лет.

Свыше 60 миллионов человек погибли и 110 миллионов стали инвалидами только в двух последних мировых войнах. Кроме того, десятки миллионов людей умерли в результате эпидемий и болезней, порожденных войнами.

Более 26 миллионов человек в ужасные времена фашизма были брошены в концлагеря, 11 миллионов людей уничтожены в газовых камерах, повешены, расстреляны или умерщвлены другими зверскими методами.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ БЫЛИ УНИЧТОЖЕНЫ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ, СТОИМОСТЬ КОТОРЫХ ИСЧИСЛЯЕТСЯ БОЛЕЕ ЧЕМ В 1 000 МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ, В ТО ВРЕМЯ КАК МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ БЫЛИ ОБРЕЧЕНЫ НА ГОЛОД, БОЛЕЗНИ И НИЩЕТУ.

ОКОЛО 100 000 ТОНН НАПАЛМОВЫХ БОМБ БЫЛО СБРОШЕНО НА ТЕРРИТОРИЮ ВЬЕТНАМА ДО КОНЦА 1968 ГОДА.

250 000 ЮЖНОВЬЕТНАМСКИХ ДЕТЕЙ ПОГИБЛО, 750 000 СТАЛИ ИНВАЛИДАМИ ИЗ-ЗА ПРИМЕНЕНИЯ НАПАЛМА С 1961 ПО 1966 ГОД.

375 миллионов человек, по статистике ООН, живут на грани голодной смерти.

80 000 человек, то есть один человек каждую секунду, ежедневно умирает от недоедания.

Средняя продолжительность жизни в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки сейчас такая же, какой она была в Европе в XVII и XVIII веках.

Хотя в этих странах свирепствуют холера, чума, оспа, малярия и другие эпидемические болезни, количество врачей в них катастрофически недостаточно. Например, в Индонезии один врач приходится на 30 000 человек населения, в Нигерии — на 31 000, в государствах Центральной Африки — в среднем на 25 000 (в США — на 505 человек).

Это — одно из роковых последствий господства колониализма.

НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОСЛЕДНИХ СТА ЛЕТ ТОЛЬКО В АФРИКЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ДЕРЖАВЫ 121 РАЗ ВЕЛИ ВОЙНЫ И ОСУЩЕСТВЛЯЛИ КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ. В ЭТИХ ВОЙНАХ БЫЛО УБИТО 5,3 МИЛЛИОНА АФРИКАНЦЕВ.

Наибольшее число жертв приходится на Алжир (1,6 миллиона), Судан (1 миллион), Эфиопию (750 000) и Конго (Киншаса) (550 000).

В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ РАСОВЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НАПРАВЛЕННЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПРОТИВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ — ИНДЕЙЦЕВ.

Свыше 30 миллионов индейцев в Боливии и Бразилии, в Перу и Эквадоре, в Центральной Америке, Мексике и некоторых других странах живут так же, как они жили при испанских и португальских колонизаторах.

В марте 1968 года бразильское правительство официально призналось в том, что при решающем участии так называемой «Службы защиты индейцев» велось беспощадное истребление индейцев в Бразилии, чтобы обеспечить империалистическим монополиям сырье (например, каучук) и полезные ископаемые.

Подтверждаются следующие цифры жертв: из 19 000 человек племени мундукуру в живых осталось 1 200; из 5 000 гуарани — 300, из 4 000 караха — 400... От племен кадивейс и боророс остались лишь группы, насчитывающие от 100 до 200 человек. Племя тапаниунас истреблено полностью... подаренными продуктами питания, отравленными мышьяком.

АКТ ИМПЕРИАЛИЗМА

Этот документ составлен из материалов, которые коммунистические и рабочие партии многих стран представили Комиссии по подготовке международного Совещания в Москве. Он обличает империализм в самых тяжких его преступлениях перед человечеством.

Он так и назван — «Обвинительный акт против империализма». Мы печатаем здесь лишь некоторые выдержки из этого убедительнейшего документа.

В СТРАНАХ ИМПЕРИАЛИЗМА ИМЕЕТСЯ 6—8 МИЛЛИОНОВ ПОЛНОСТЬЮ БЕЗРАБОТНЫХ И МНОГОМИЛЛИОННАЯ АРМИЯ ЧАСТИЧНО БЕЗРАБОТНЫХ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ... ЕЖЕГОДНО СТРАДАЮТ МНОГИЕ МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ.

Безработица означает лишения и унижение человеческого достоинства, ухудшение жизни всей семьи безработного.

Империализм не в состоянии решить проблемы научно-технической революции, не увеличивая безработицу.

Молодое поколение ожидает безработица невиданных масштабов. По американским подсчетам, к 1970 году число безработных среди молодежи увеличится примерно на 3 миллиона человек.

Не зря этот состав называется *Поездом дружбы!* Так встречали советских ребят на каждой станции по пути в Будапешт.

ДЛЯ ДРУЖБЫ НЕТ ГРАНИЦ

Н. ЧЕРНОВА, главный редактор
«Пионерской правды»

Не успела я переступить порог квартиры, как Ленка — старший сынишка моей знакомой — атаковал меня вопросами:

— Почему во время войны фашисты убивали евреев, а теперь немцы из Западной Германии помогают Израилю оружием? А когда и чем кончатся переговоры в Париже о войне во Вьетнаме?

Ленкина бабушка не выдержала:

— Опять за свою политику! Дай человеку спокойно посидеть... Вот скажи, — обратилась она ко мне. — Ну, какую пользу могут оказать Вьетнаму наши мальчишки? Там оружие нужно, медикаменты... А они здесь штаб какой-то организовали, подарки готовили. Кому нужны их подарки? Мало правительство наше помогает? Мы всегда всем помогаем...

— Не всем, а кому нужно, против кого капиталисты воюют, — парировал Ленка.

Ленку интересует все, что происходит в сегодняшнем мире. Да разве его одного? Передо мной письма читателей «Пионерской правды».

«Дорогая редакция! Объясните, пожалуйста, почему Франция, капиталистическая страна, вышла из военной организации НАТО? Я долго об этом думал, но не нашел ответа. И еще: почему НАТО забросила свои дивизии в разные капиталистические страны?» — спрашивает ученик 6-го класса Раим Абдрафиков.

«Я пришел в отчаяние, когда узнал про убийство Лютера Кинга, вождя американских негров», — пишет ученик 5-го класса Эрик Шаулов. А Саша Сафарли интересуется: «В случае войны капиталисты могут применить атомное оружие в Европе или нет?»

Отмахиваться от таких вопросов: «Тебе рано еще, не поймешь» — просто неправильно.

...Да, они, наши ребята, очень много знают о происходящем в мире. Они жадно воспринимают тот поток информации, что дает радио и телевидение, газеты и журналы. Они слушают разговоры в семье, в школе, во дворе. И никогда не остаются равнодушными к происходящему. Острое чувство беспокойства и тревоги звучит и в их разговорах и в письмах. Их мучает, их возмущает любая несправедливость, потому что как же согласовать ее с непоколебимо живущим в душе каждого ребенка убеждением: «Справедливость на земле должна торжествовать». И, по-детски нетерпеливые, они желают, чтобы эта справедливость восторжествовала немедленно, без всяких задержек!

Причины, сложность происходящего, связь явлений не всегда детям понятны. Пожалуй, именно поэтому так нелегко порой отвечать на «взрослые» вопросы наших детей. Но отвечать надо, отвечать серьезно и вдумчиво.

Ведь он необыкновенно сложен — мир нашего времени. И, к несчастью, еще далек от совершенства. Нет, не потому, что «все американцы — плохие, а все вьетнамцы — хорошие», как наивно написала в своем письме одна девочка. Нет, наций плохих и хороших — вот что прежде всего должен понять ребенок, чтобы вырасти в будущем настоящим коммунистом, подлинным интернационалистом (а эти понятия неразделимы). Он должен осознать на примере происходящих в наши дни событий, что миром управляют классовые законы. Он должен понять, например, почему сайгонские марионетки заодно с американцами варварски убивают своих же соотечественников...

«Капитал, — говорил Ленин, — представля-

ет из себя силу международную... и чтобы победить его до конца, нужны и совместные действия рабочих тоже в международном масштабе». «...товарищем русского рабочего в борьбе против класса капиталистов является и рабочий немец, и рабочий поляк, и рабочий француз, точно так же, как врагом его являются капиталисты и русские, и польские, и французские».

Слова эти, как никогда, актуальны в наши дни. Империализм использует в своей борьбе против социалистических стран, против рабочих капиталистических стран любые средства: от грубой силы, от тотального антикоммунизма до ставки на шовинизм и национальный эгоизм, от напалма до медоточивых нахвостываний о национальной исключительности.

Народы нашей страны высоко несут знамя интернационализма. И мы должны будем передать его в надежные руки наших детей.

Дети по природе своей лишены национальных предрассудков. Им все равно, кто сидит рядом за партой, с кем играть во дворе. Таджик, татарин, украинец или латыш — он просто такой же ученик, как все, такой же пионер, а какой он товарищ — плохой или хороший — это смотря по обстоятельствам. Общение детей разных народов нашей многонациональной Родины — учатся ли они вместе, переписываются ли, встречаются ли в лагерях или на спортивных соревнованиях — первая школа интернационального воспитания. Чем теснее общение, чем дети больше узнают о национальных обычаях, традициях, культуре каждого народа, тем крепче братство, уважение друг к другу.

Но не будем забывать, что огромную силу имеет воспитание на повседневных примерах: оно действительно, если и в семье ребенок видит уважительное отношение к соседям и товарищам любой национальности.

Интернационализм закладывается дома, в классе, в отряде. И ни в одном из звеньев этой цепочки не должно быть прорывов. Тогда, на этой крепкой основе, вырастет у ребенка правильное представление о международном классовом братстве.

Мы можем сегодня гордиться не только любознательностью наших детей, но и их горячим стремлением активно участвовать в борьбе за справедливость. В какой бы стране эта борьба ни происходила.

Среди писем, приходящих в «Пионерскую правду», — огромные плакаты «Руки прочь от Вьетнама!» со столбцами подписей. У каждого, кто подписался под плакатом, детский почерк. Каждый знает, что Вьетнам очень далеко от его дома, и все же твердо верит в силу человеческого гнева, коллективного протеста. Ставя свою подпись, ребенок чувствует себя гражданином и борцом. Он чувствует себя человеком, ответственным за все, что происходит на планете.

В прошлом году два теплохода — «Березовка» из Новороссийска и «Монгугай» из Владивостока — повезли во Вьетнам подарки советских детей. Деньги на подарки дети заработали сами... Помните сомнения Ленкиной бабушки? Нет, не права она! Пусть скромную помощь оказывают ребята, но она рождает в наших детях чувство причастия к судьбам их сверстников и находит отклик в душах маленьких вьетнамцев.

...Где-то в Португалии властями арестован юноша Жозе Аугусто Сильва. Несколько строк об этом было в «Пионерской правде». И вот уже поток писем идет в редакцию, в Клуб интернациональной дружбы Московского Дворца пионеров: «Свободу Жозе Аугусто Сильве!» Для советских де-

В Артеке.

Всегда найдутся и общий язык и общие дела... Интересно научить русскую подружку по-африкански заплетать косички. Весело петь и плясать всем вместе.

тей Жозе не чужой. Они знают: он мечтал о свободе для своего народа и именно за это был брошен в тюрьму.

И вот Жозе на свободе. Этот день стал днем победы для каждого, кто встал на его защиту. Нет счастья выше, чем счастье быть борцом за доброе дело. И пионер, ощутивший хотя бы на миг такое счастье, пионер, увидевший себя в одном ряду с лучшими людьми мира, делает огромный шаг в своем развитии как завтрашний коммунист.

«Пионерская правда» по просьбе читателей рассказала о горькой судьбе тысяч греческих детей, оставшихся без присмотра после ареста родителей. В редакцию сразу же пришли телеграммы и письма с просьбой пригласить детей греческих патриотов к нам в Советский Союз. Пионеры хотят их видеть в своих лагерях, у себя дома. Они заверяют редакцию: «У нас им будет очень хорошо». Обещают отдать любимые игрушки, лучшие книги. Пишут ребята из Киева и Баку, из Москвы и Минска, из Свердловска и Норильска. А вот письмо из Талды-Кургана, из поселка Джансугуров, Казахской ССР.

«Газеты мы всегда читаем вместе с дедушкой. Я читаю, он слушает. И вот прочитали мы в «Пионерской правде» о греческих ребятах, у которых фашисты арестовали родителей. Им, может быть, есть нечего...

— Достань-ка, Ахмет, карту, — сказал дедушка, — посмотрим, где Греция.

Достал я карту. Посмотрели...

— Да, — говорит дедушка, — далеко, а помочь ребятам надо. Пиши письмо в «Пионерскую правду» и приглашай греческих детей к нам в гости.

Вот я и пишу: «Дорогие греческие ребята,

та, приглашаем вас к себе погостить. Хорошо у нас. На конях скакать будем, кумыс пить будем. Приезжайте, ждем! Я и мой дедушка Даут-ага».

...Когда мы с вами смотрим вечером по телевизору международную кинохронику или слушаем последние известия, когда просматриваем после работы газету, обычно где-то рядом сидят и наши дети, внуки... Хорошо, чтобы они были не рядом, а вместе с нами, как Ахмет и Даут-ага. Хорошо, чтобы и новости из газеты и кадры кинохроники обсуждались сообща. Обсуждались заинтересованно, искренне — с пониманием того, как волнуют детей все эти события.

У ребенка несколько иное мышление, чем у взрослого. Более образное, более эмоциональное. Он в значительной степени познает мир через игру. Поэтому и в формах интернационального воспитания широко используется игра — начиная от международных спортивных соревнований, кончая викторинами и заочными путешествиями.

Очень охотно участвуют пионеры в викторинах «Знаешь ли ты Болгарию?», «Знаешь ли ты Польшу?» и т. д., которые проводит наша газета. Недавно закончилась викторина «Знаешь ли ты ГДР?». Тысячи ребят, сотни детских коллективов ответили на вопросы редакции, оформили альбомы, сделали макеты. Победители викторины получают подарки от газеты немецких пионеров «Барабан» и с Поездом дружбы поедут в ГДР навестить своих немецких друзей.

Настоящими праздниками детства — праздниками чистосердечия, веры в добро, жажды радости и творчества — становятся международные выставки детских рисун-

ков или фотографий. Путешествуя из страны в страну, они помогают детям разных народов подружиться, узнать друг друга, да и взрослых о многом заставляют задуматься...

Сейчас готовится экспозиция международной выставки «Я вижу мир», в которой принимают участие ребята из 52 стран.

Выставка будет открыта к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Редакции детских газет «Барабан» (ГДР) и «Септемврийче» (Болгария) обратились к редакциям детских газет других социалистических стран с предложением в честь ленинского юбилея провести пионерские походы. Пусть дети увидят, а потом расскажут в альбомах и выставках, как выполняются в их стране заветы великого Ленина. Сначала ребята покажут эти выставки в своих городах и селах, а потом, к 100-летию Ильича, привезут их на родину Ленина — в Советский Союз.

Нам, взрослым, каждому, кто так или иначе причастен к сложному делу воспитания, надо с уважением и интересом относиться ко всем этим занятиям, очень важным и полезным для детей. К викторине, которой занят ваш сын. К письму от болгарской подруги, на которое отвечает дочка. К рисунку, который она готовит для выставки... Ведь от нас с вами зависит, чтобы все эти маленькие события в детской жизни приобретали большой смысл, чтобы за ними вставали конкретные цели.

Заложенную с детства веру в добро нам всем сообща надо развивать в осмысленную позицию борцов за дело рабочего класса. Воспитывая детей патриотами Советской Родины, интернационалистами, мы выполняем главный завет Ленина.

Мария Петровна стояла у окна, закутавшись в пуховый платок — память матери. Глаза ее тоскливо смотрели на залитую дождем улицу. Вот она, осень. Холодный ветер, нахлывшиеся птицы, тягучий, мелкий дождь. Облака плывут над самым крестом ближней церквушки. А кругом невысокие дома, так отличающиеся от петербургских громад. Москва, опять Москва...

Настенные часы отбили двенадцать. Позолоченная птичка выпрыгнула на резное крылечко и смешно замахала крылышками. Пора собираться на Пречистенский бульвар. На два часа она назначила там встречу с Юрой, с которым не виделась больше месяца. Мальчик тосковал, не понимая, почему ушла из дома мать... Опять ушла! Леля и Катя выросли, хотя для матери и оставались все еще детьми. А Юре только тринадцать, он младший, и вся материнская любовь, вся нежность прежде всего ему.

С Юрой связаны последние воспоминания о муже. Мальчик родился, когда Василий Семенович отбывал в «Крестах» заключение за опубликование в газете статьи, попавшей под запрет цензуры. Тогда, при свидании в тюрьме, у Василия Семеновича на глазах выступили слезы. Сын! Как нежно поцеловал он ее, осунувшуюся после родов, как осторожно прижал к себе маленькое тельце сына, и глаза его, обычно тоскливые и задумчивые, заблестели молодо. Но когда нащупал под пикейным одеяльцем письма — их следовало передать в тюрьму, губы его болезненно скривились. Упрекать жену не хватило сил, но и понять ее он не мог. «Зачем? — спросил свистящим шепотом, улучив момент, когда надзиратель отошел в дальний угол свиданной комнаты. — Сына-то, сына-то пожалей... — И с неожиданным отчаянием закончил: — Я скоро умру... Сердце ни к черту! Прошу об одном — сбереги сына. Пускай пошагает по земле Юрий Васильевич Голубев...»

Мария Петровна провела рукой по глазам, отгоняя воспоминания... Вскоре после того свидания муж умер, и она осталась одна с детьми. Слова же его всегда отдавались в груди щемящей болью. Детей она старалась беречь, все, что могла, — для них, особенно для Юры. Сын очень напоминает отца, такой же впечатлительный, кроткий. И вот пришлось оставить Юру в эти тревожные дни одного.

Дождь припустился сильнее. Мария Петровна все еще стояла у окна и волновалась: неужели не перестанет?.. От Лели она знала, что Юра недоедал, прихварывал, а главное — скучал. Она решила встретиться с ним, чтобы успокоить мальчика. Дни стояли сухие, солнечные, а сегодня, как назло, ливень. Досадливо поморщилась, бросив взгляд на кушетку — громоздкую, затканную серебром. На резной спинке выделялись медальоны с львиными головами и танцующими нимфами — кушетка эта из царских покоев. Да и вся обстановка комнаты оттуда же: дорогие вещи, редкие картины, бронза, хрусталь.

Голубева готовилась перейти в подполье и теперь играла роль знатной дворянки, ограбленной и обездоленной большевиками. Мария Петровна видела, как блеснули глаза у старого чиновника, подселенного к ней в квартиру по ордеру. Он долго пожимал ей руку, сказав, что сразу почувствовал в ней человека своего круга, ругательски ругал новую власть, большевиков, расспрашивал об имени, которое она потеряла где-то на Херсонщине, доверительным шепотком передал, что Деникин не сегодня, так завтра займет Москву. Она удивленно приподняла брови, ничего не сказала. Чиновник размашисто перекрестился и гаденько засмеялся.

Да, Деникин шел к Москве — это Мария Петровна знала лучше чиновника. По улицам маршировали рабочие отряды, плотное окопное кольцо стягивалось вокруг города все туже. Москву готовились защищать до последнего, но и падение Москвы не означало бы крушения Советской власти. На этот случай создавались конспиративные квартиры и склады с оружием, разрабатывались пароли и явки. Центральный Комитет партии поручил Марии Петровне возглавить в случае необходимости подпольную сеть. Вот почему она оказалась в этом барском уютном доме, вот почему ей пришлось уйти из семьи, порвать связь с детьми. Как солдат, она уже на передовой...

Всю дорогу от Старо-Конюшенного переулочка до Пречистенского бульвара Мария Петровна почти бежала. Понимала, что время есть, но справиться с собой не могла. Дождь затих, проглянуло солнце, и по лужам, как озорные мальчишки, запрыгали солнечные зайчики. От арбатской мостовой, выложенной крупным булыжником, поднимался пар. Умытые дождем дома помолодели. На гранитном постаменте, наклонив голову, сидел в кресле Гоголь. По бронзовому лицу сбегали капли дождя.

По привычке заложив руки за спину, Мария Петровна медленно пошла вдоль бульвара. Бульвар оживал. Высыпали обычные посетители — няньки в плюшевых жакетах, детишки в ярких капорах. Мальчики запускали в ручьи кораблики, ботинками мерили глубину луж. Голубева мягко улыбалась этой картине: дети были ее болью и ее счастьем. Молоденькой девушкой она учительствовала в земской школе, в Костромской губернии.

Мария Петровна Голубева.

Вера МОРОЗОВА

Свидание

Писательница Вера Морозова закончила работу над четвертой своей книгой из серии, посвященной женщинам-большевицам (отрывки из повестей о Розалии Землячке, Клавдии Кирсановой и Конкордии Самойловой мы печатали в своем журнале). Новая книга, которую готовит к выпуску издательство «Детская литература», рассказывает о Марии Петровне Голубевой (1861—1936 гг.). В революционное движение она пришла в 70-е годы прошлого века и еще в 1891 году в Самаре познакомилась с семьей Ульяновых.

В 1901 году Мария Петровна стала членом РСДРП, после II съезда избиралась секретарем Саратовского большевистского комитета. Она активная участница первой русской революции, хозяйка конспиративной квартиры в Петрограде. «Помню 1905—1906 годы, — писала сама Мария Петровна, — у меня штаб-квартира для свидания Владимира Ильича с членами ЦК и ПК».

События, о которых идет речь в публикуемой здесь главе из книги «Мария Голубева», относятся к 1919 году.

Однажды, спасая мальчонку от дифтерита, сделала ему операцию под жаркую молитву матери...

Мысли ее вернулись к детям, теперь уже собственным. Их было пятеро. Ей горько, что она дала им, своим детям, мало радости, мало с ними была, мало о них заботилась... Ее первенькая, русоголовая Танечка, умерла шести месяцев от роду. Жили тогда в Смоленске: она под гласным надзором, муж только вернулся из ссылки, из Сибири. Ни денег, ни работы. У Василия открылся туберкулез. Комнату сняли крошечную, при местной больнице. Кашлял Василий отчаянно, и она боялась за его жизнь. Наконец ей удалось устроиться в больницу. Платили гроши: диплома-то не было. А тут у самой роды. Принимала Мария Эссен, с которой они дружили. Кажется, эти роды оказались для акушерки Эссен первыми и последними. Девочка

умерла от менингита. А потом, в Саратове, родилась Леля, еще через год — Катя. Обыски в доме Голубевых следовали один за другим. Жандармы переворачивали весь дом и лишь детскую осматривали кое-как. Это она заметила, стала прятать в детские кроватки брошюры и прокламации, а в кукольные головки — тонкие листы с адресами и явками. Как часто во время ночных обысков стояла Леля в длинной рубашке, прижимая к груди куклу — спасение ее матери!..

Леля и Катя росли вместе. Они рано стали ее помощницами. Как-то в город пришел транспорт «Искры». В каюте на пароходе с нелепым названием «Милосердие» сидела Эссен. За ней, как стало известно Голубевой, велась слежка. Нужно было спасти нелегальщину. Мария Петровна одела девочек в нарядные плюшевые пальтишки и взяла с собой на пристань. По шатким сходням они поднялись к Эссен, и там, в каюте, Голубева расставала в двойную подкладку детских пальто газеты и сама обвязалась газетами. Катя впереди матери побежала по сходням и едва не упала. Усатый городской приподнял девочку, перенес ее на причал. У Марии Петровны екнуло сердце, побледнела всегда невозмутимая Эссен, но городской, к счастью, ничего не заметил...

Еще воспоминание. Сенат приговорил Эссен к каторге, которую потом заменили долгосрочной ссылкой. В ссылку Эссен идти не хотела. «Работы невпроворот, а здесь ссылка!» — писала она Марии Петровне из пересыльной тюрьмы. Надо было помочь ей бежать.

Режим пересыльной тюрьмы отличался особенно большой строгостью: свидания давались в исключительных случаях и непременно в присутствии надзирателей. Все попытки передать нужные для побега вещи заканчивались неудачей. Тогда в комнате для свиданий под видом родственницы появилась Мария Петровна со своими девочками. Леля держала в руке букет, Катя — куклу с изумленными глазами. На дубовую скамью уселись рядышком: Эссен, семилетняя Леля, Мария Петровна. Болтушка Катя завладела надзирательницей. Мария Петровна видела, как разглаживалось лицо угрюмой женщины, как оживилось оно улыбкой. Ба, надзирательница завязала бант на завитых кукольных волосах! «Кажется, дело идет на лад», — кивнула в их сторону Голубева. Занятая Катей надзирательница не видела, как Леля передала Эссен букет. Мария Петровна пережила страшную минуту: в букете была пилка! Теперь надо передать еще плед: в нем завернуты деньги и бумаги с явками — все, что потребуется Эссен до выезда за границу. Мария Петровна, чтобы не возбудить подозрений у надзирательницы, протягивает плед не Эссен, а ей. Катя капризно отпихивает сверток: не мешайте, дескать, нам играть, и надзирательница поддалась на этот каприз — плед развертывать не потребовала, кивнула головой: разрешаю! На плечо Марии Петровны легла теплая ладонь: Эссен молча благодарила подругу.

Мария Петровна вышагивает по бульвару, ворошит ногами сырой осенний лист, будто переворачивает страницы своей мно-

готрудной жизни. Был и еще сын — родился мертвым, когда она строила с путиловцами баррикады в девятьсот пятом. С каким укором смотрел на нее Василий Семенович: не уберегла, не уберегла! Она и сама тогда горько плакала...

Юру она увидела сразу, как только он подошел к памятнику Гоголю. Немного поодаль Леля... И Катя! Они не здороваются с матерью, делают вид, что не замечают ее. Милые мои девочки! Юра проводит рукой по тяжелым цепям, обхватившим памятник. Серый башлык сползает ему на глаза.

— Юша! — почти беззвучно шепчет Мария Петровна, пытаясь подавить волнение. — Юша!

Мальчик поворачивается и кидается в ее объятия. Она проводит рукой по мокрому от слез лицу, сжимает худенькие плечи, чувствует, как они содрогаются от рыданий. Горький ком подкапывает к ее горлу. Она не плачет, нет, только хмурится и крепче прижимает сына.

— Полно... Успокойся, дорогой! — Мария Петровна увлекает его на скамью. — Сырость разводишь, а на бульваре и так мокро! Смотри, как воробышки радуются солнышку. — Мария Петровна старается отвлечь мальчика, но Юра приник к ней, судорожно целует ее руки. Вот поднял лицо, в синих глазах — слезы крупными горошинами.

— Ты приехала, мамочка?! Приехала?! Больше не уедешь? — Глаза с надеждой смотрят на мать.

— Приехала... Только придется опять уехать! — Детям она никогда не говорит неправду и, тяжело вздохнув, повторила: — Придется...

— Но почему?! Почему?!

— Нужно, сынок! — Она гладит его по плечу, ерошит челку. — Расскажи лучше, как живешь. Ты воблу получил — мой подарок?.. А в столовой какой суп берешь: «без ничего» или «ни с чем»?

Юра уже смеется. Спор взрослых в совнаркомовской столовой о супе, сваренном из воблы и тощих горошин, всегда веселил его.

— Один день беру «суп без ничего», а другой — «суп ни с чем».

Теперь смеется и Мария Петровна.

— Ты береги себя, Юша. Я в трудной дороге, но известия о тебе получаю, и мне будет больно, если с тобой что-нибудь случится. Так-то, сынок... Слушайся Лелю и Катю... Может быть, тебе с ними придется скоро уехать.

— А ты? — перебил ее Юра. — Ты как же?!

— Зачем задавать вопросы, на которые нельзя ответить?! — Мария Петровна заметила, как насутился мальчик, попыталась его успокоить. — Через недельку увидимся... Непременно, Юра... Теперь иди, пора!

Юра обхватил шею матери, на глаза его снова навернулись слезы. Мария Петровна укоризненно покачала головой, решительно отстранила сына и глухо повторила:

— Пора!

Магомед АМИНОВ

УТРО

Проснись скорее, человек!
Смотри, уже на край карниза
Ступает голубь, чтобы вверх
Взлететь, выходит из-за мыса
Рыбачий парус, а из мглы
Выходит горная тропинка,
И свет спешит во все углы —
Сосна ждет света и травинка.

Листы отрывают сон,
И падают на землю груши.
И этот шорох, этот звон
Ты все-таки — проснись! — послушай.
Вот наземь падает роса.
Послушай, падают минуты!
Зари рассветной полчаса —
Твое младенчество как будто.

Пока подымется в зенит
И силу наберет светило.
Вся молодость и отзвенит,
Ты только вспомнишь: было, было.
Настанет зрелости пора,
И солнце повернет к закату,
И все, что сделал ты с утра,
Ты вдруг оценишь: маловато!

Я ИДУ ПО МОСКВЕ

Москва — не Мекка. Но сюда
Сердца устремлены с Востока
И Запада. Ее звезда
Светила в сердце издалека.

Я здесь впервые, я так юн,
И голова моя кружится.
И улиц праздничный ноктюрн
Играет для меня столица.

Как будто по началу дня
Грядущего иду я тихо,
Где все прекрасно у меня,
И в мире нет ни зла, ни лиха.

И я просвечен у витрин
Букетом огненных соцветий,
Мне сладко сознавать: я сын
Москвы, и все ее тут дети.

И этот вечер навсегда
Я сберегу. И пусть, как прежде,
Мне светит красная звезда
И силу придает надежде.

С лакского перевел
Н. Злотников.

Станислав СТРИЖЕНЮК

ХЛЕБ

А крестят хлеб ножом деды
Не потому, что богомольны,
Не потому, что своевольны.
А так... Чтоб не было беды.

Как скрипку, взяв ковригу хлеба,
Они ведут смычком ножа,
И чутко слушает душа
Напев простой земли и неба.

И добротой лучится взгляд,
Когда рука ковригу режет.
Во всех краях живет, как прежде,
Тот предобеденный обряд.

И крестят хлеб ножом деды
Не потому, что богомольны,
Не потому, что своевольны.
А так... Чтоб не было беды.

Перевел с украинского
Леонид Латынин.

Одиннадцатилетний английский актер Марк Лестер (Оливер) и Рон Моуди (Феджин) на улицах Москвы.

Кадры из фильмов «Люсия» (Куба), «Узкая полоска неба» (Аргентина), «Серафино» (Италия)

ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ — ВАЖНЕЙШЕЕ

Проходит немало экранного времени, прежде чем режиссер аргентинской картины «Узкая полоска неба» знакомит нас с героиней своего фильма. Медлит он сознательно: не меньше, чем характеры главных действующих лиц, ему важны те обстоятельства, в которых этим характерам суждено проявиться. Он покажет нам окраину большого города — маленькие дома, небольшую бакалейную лавку, куда запросто заходят постоянные покупатели — характерные детали того жизненного уклада, в котором выше всего ценятся покой и прочность.

Сам того не подозревая, держится за эту буржуазную respectable и герой картины — полулюноша, полумальчик Пакито. Это его родственники владеют лавкой и оставляют его в ней за хозяина на те недели, которые они проведут у моря. Однако не успевают родные распрощаться с парнем, как появляется Делия. Правда, познакомилась она с Пако раньше, но именно теперь он приводит ее в свой дом. Ночевать ей негде, и его поступок в какой-то мере — акт великодушия... Ночь могла бы сблизить молодых людей, но она разъединя-

ет их навеки. И виной тому поведение юноши. У него, живущего в плену общепринятых мещанских представлений, возникает внутренний конфликт со всем тем, что составляет природу девушки. Она, в отличие от Пакито, свободна. Это то главное, что подчеркивает в своей героине естественнейшая из актрис Анна Мария Пиккио. Именно в этом природном ощущении воли, праве распоряжаться своей судьбой ее неоспоримое преимущество. Хотя вообще-то парень ей нравится, но эта лавка, этот страх перед соседями — как бы не подумали

дурного! Да что соседи! Пако опасается даже лишнего слова, которое нечаянно, в порыве вдруг нахлынувшей нежности, вырвавшись, может связать его какими-то обязательствами. Словом, весь этот подсознательный мелочный расчет, подчиненность власти денег Делии отвратительны.

...Рано утром, не разбудив Пакито, оставив ему в подарок лишь забавного пластмассового медвежонка, она уходит. Уходит так же независимо, как пришла: с полуулыбкой на губах, с высоко поднятой головой. Уходит победительницей, а не побежденной, хотя уходит на улицу и знает, как это страшно.

Не только артистизмом и обаянием незаурядного таланта покорила Анна Мария Пиккио жюри VI Международного кинофестиваля в Москве. И зрителей и судей пленила в актрисе определенная нравственная идея, которая с начала и до конца освещала созданный ею образ. Анне Марии Пиккио вручен приз фестиваля.

Приз за лучшее исполнение женской роли был присужден и румынской актрисе Ирине Петреску, умно, тонко и изящно исполнившей главную роль в картине «Женщина на один сезон».

В чем-то сродни юной Делии итальянец Серафино, герой одноименного фильма, удостоенного золотого приза фестиваля.

Для простого деревенского парня, пастуха Серафино, как и для Делии, главное — свобода. Он молод, весел, здоров, свободен от жажды обогащения. И именно поэтому одерживает победу над тупостью, подлостью и стяжательством.

Золотой приз получил также фильм «Люсия», в котором революционное прошлое Кубы и ее сегодняшний день увидены и показаны молодым талантливым мастером режиссером Умберто Солас. Перед нами три новеллы. Три женские судьбы, разведенные временем, условиями существования, но незримо связанные одной общей мыслью. Эта мысль — борьба за независимость родины, необходимость и внутренняя потребность такой борьбы для каждого честного человека.

Третий золотой приз получил советский фильм режиссера С. Ростоцкого (сценарий Г. Полонского) «Дождик до понедельника». Фильм демонстрировался на наших экранах, широко обсуждался, печаталась рецензия на него и в журнале «Работница». Это не случайно: фильм поднимает проблемы общественно значимые, проблемы воспитания, нравственного становления человека.

Невыносимо тяжелой доле приютских ребятишек, бессердечию взрослых посвящен английский фильм «Оливер!», созданный по мотивам романа Чарльза Диккенса «Оливер Твист», романа, вот уже более века трогającego сердца людей.

Несмотря на то что режиссер Кэрол Рид избрал для своего произведения музыкальную форму, форму мюзикла, это серьезный и печальный фильм.

Уже с первых кадров, когда голодные оборвыши поют свой грустный гимн похлебке, становится ясно, что создатели фильма совсем не собираются «облегчать» Диккенса.

Фильм «Оливер!» награжден особой премией жюри, его режиссер Кэрол Рид — специальным призом жюри, а исполнитель роли Феджина, содержатель притона малолетних жуликов, Рон Моуди — призом за лучшее исполнение мужской роли.

Также специальной премии жюри удостоена последняя работа старейшего советского режиссера Ивана Пыррева «Братья Карамазовы» — филь-

ма правдивого, точного по композиции и интонации.

Разнообразие фестивальных лент, разнообразие жанровое и тематическое, наглядно подчеркивает то пристальное внимание, с которым художники разных стран присматриваются к судьбе женщины. Это и понятно: женщина — мать, продолжательница жизни. В ее руках и в руках ее детей — будущее планеты.

Именно об этом будущем думала и Аннели Торндайк, воскрешая в своем «Дневнике немецкой женщины» тот путь, которым прошли многие ее соотечественницы. Это фильм-размышление, фильм-путешествие. Путешествие по дорогам обоих германских государств, Польши и СССР. И в то же время это — своеобразное объяснение в любви к своей стране — Германской Демократической Республике и одновременно выражение ненависти к фашизму.

За десять лет, что прошли со дня первого московского смотра мирового киноискусства, московские фестивали завоевали популярность и уважение своей демократической направленностью, уверенностью в том, что искусство не только и не столько средство развлечения, сколько действенное оружие познания мира.

Девиз фестиваля «За гуманизм искусства, за мир и дружбу между народами» естественно объединяет вокруг себя прогрессивно настроенных художников.

Именно поэтому премию Комитета советских женщин получила Арундати Дэви — одна из немногих в Индии женщин-режиссеров. Ее фильм «Солнце и ливень», снятый по роману Р. Тагора, утверждающий необходимость борьбы против колониального гнета, пробуждает социальное самосознание, отвечает высоким идеалам гуманизма.

В заключение несколько слов о многочисленных, сопутствующих фестивалю и организуемых входящих в него мероприятиях. Это и конкурсы документальных и детских фильмов, и встречи профессионалов, горячо обсуждавших проблемы современного киноискусства, и, как всегда, ретроспектива советских фильмов, то есть показ лучших фильмов разных лет, ставших значительной вехой в истории советского киноискусства.

Поскольку фестиваль проходил в канун столетнего юбилея В. И. Ленина, ретроспектива была посвящена показу ленинских фильмов. Демонстрировались пять художественных фильмов («Октябрь», «Ленин в Октябре», «Ленин в Польше», «Шестое июля», «Сердце матери») и пять документальных («Живой Ленин», «Разговор с товарищем Лениным», «В далеком Шушенском» и другие).

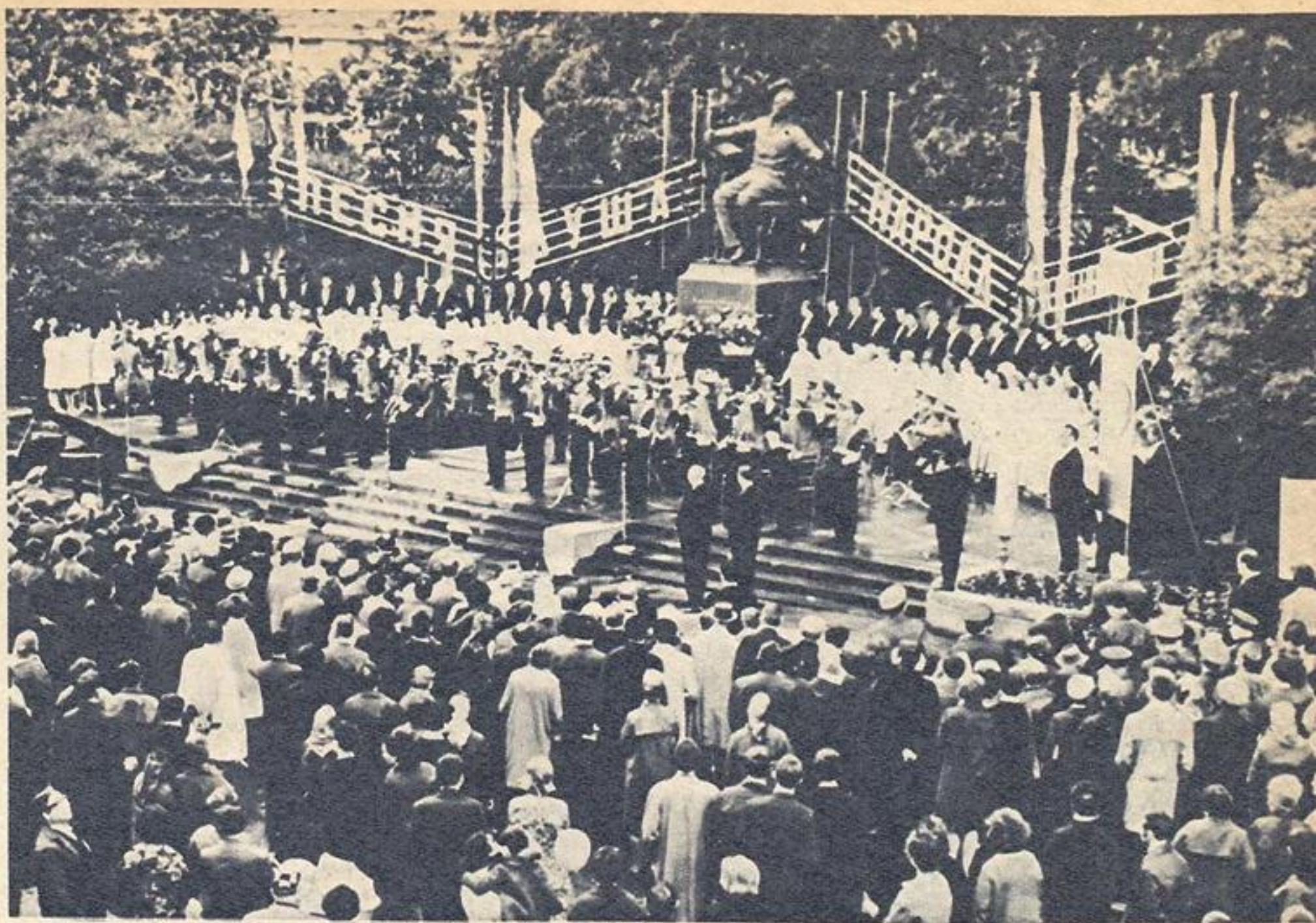
Лениниана вызвала огромный интерес участников и гостей фестиваля.

«Взволнована встречей с Лениным, которого увидела и услышала на экране впервые, — сказала Саройя Деви Срихарша (Индия). — Знакомство с фильмами «Октябрь» и «Живой Ленин» — большое событие в моей жизни».

Ди Дэвис Руби (США) отметила, что ретроспективный показ фильмов о Ленине ее «буквально потряс... особенно кадры, снятые в двадцатые годы, при жизни Ленина».

«Мне бы хотелось, чтобы фильм «Сердце матери»... был показан во всех странах, — заявила Теодора Оливер (Великобритания). — Этот фильм прекрасно выражает девиз фестиваля».

Н. САЖИНА

На ежегодном празднике песни

Фото ТАСС.

КУДА ПОВЕДЕТ НАС ПЕСНЯ?

Д.М. КАБАЛЕВСКИЙ,
композитор

«Сезам, откройся!» — слова эти, придуманные сказочниками древнего Востока, были ими же наделены волшебной силой. Перед теми, кто их произносил, раскрывались двери дворцов, ворота, ведущие в заколдованные царства.

Может быть, песня как раз и обладает такой удивительной силой, перед которой раскрываются ворота всех уголков музыкального царства? Может быть, она и окажется нашим «Сезам, откройся!», который поможет нам войти в любую область музыки — в область романсов и хоров, кантат и ораторий, квартетов и сонат, симфоний и опер? Что ж, попробуем!

Представьте себе, что вокруг вас одна за другой начинают звучать разные мелодии. Они всем вам, вероятно, хорошо знакомы, но все-таки я помогу вам узнать их.

Вот украинская игровая песня «Журавель». Вот русская плясовая «Камаринская». А рядом мужественная мелодия революционной песни «Смело, товарищи, в ногу».

А если бы у меня под руками было фортепиано и вы могли бы меня услышать, я сыграл бы вам еще много разных мелодий, в которых вы не узнали бы знакомых песен, но, вероятно, подумали бы так: «Будь у этих мелодий слова — какие славные песни получились бы!»

А дальше, если бы я оказался за дирижерским пультом и передо мною сидел бы большой симфонический оркестр, я сделал бы так, чтобы все, даже

очень знакомые вам песни прозвучали без слов, чтобы их не пели, а играли разные инструменты оркестра. И чтобы эти инструменты звучали сначала по одному, потом по два, по три и, наконец, все вместе — весь оркестр — восемьдесят или сто человек.

Затем к оркестру я добавил бы большой хор. А к хору — солистов. А потом мы услышали бы песенные мелодии в театре, где солисты, хор и оркестр слились бы в единое музыкально-драматическое представление, обогащенное театральной живописью — декорациями. Так песня сразу же помогла бы нам войти во все области музыки и сама росла на наших глазах, переходя и в фортепианную музыку, и в симфоническую, и в хоровую, и в оперную.

«Народ сочиняет музыку, а мы — композиторы только аранжируем ее»

Эти крылатые слова были сказаны полтора века назад великим композитором Михаилом Ивановичем Глинкой. Слова эти, конечно, не надо понимать буквально. Смысл этих слов в том, что композитор должен учиться у своего народа думать, чувствовать и творить. Глинка тем и велик, что сумел воплотить в своей музыке думы, чувства и творческий дух русского народа так, как до него это еще никому не удавалось.

В своей первой опере «Иван Сусанин» он воспользовался лишь одним народным мотивом, но от первой до последней ноты опера дышит живой русской песенностью.

Во второй, сказочно-эпической опере

Из книжки о музыке «Про трех китов и про многое другое». Продолжение. Начало в № 8.

«Руслан и Людмила» нет уже ни одной подлинной народной мелодии, а музыка по духу такая же русская, как была и в «Сусанине».

Но есть у Глинки несколько сочинений, целиком построенных на мелодиях народных песен. Среди этих сочинений гениальная «Камаринская», про которую Чайковский сказал, что в ней — вся русская симфоническая музыка.

Две простые русские песни положил Глинка в основу этого удивительного сочинения: свадебную «Из-за гор, гор высоких» и плясовую «Камаринскую».

Сам Глинка писал, что не собирался изображать в «Камаринской» то, «что происходит на свадьбах, как гуляет наш православный народ». Но хотел он того или не хотел, а вызывал в воображении слушателей какие-то странички из жизни русского народа — такова уж сила народных песен!

Довольно часто пользовался народными мелодиями и один из величайших русских композиторов, Петр Ильич Чайковский.

Мы с вами уже вспоминали игровую песню «Журавель» и протяжную «Во поле березонька стояла». Общим этим песням Чайковский дал новую жизнь, включив их в свои симфонии: «Журавля» — во Вторую, а «Березоньку» — в Четвертую. В обоих случаях очень простые, незатейливые песенки превратились в симфонические мелодии и легли в основу радостных, громкозвучных финалов симфоний.

Вот так народная песня привела нас в богатый и сложный мир симфонической музыки!

Войдем в зал для камерной музыки

Камерная музыка, то есть музыка для небольшого числа исполнителей (даже для одного), еще сравнительно недавно — в прошлом веке — исполнялась чаще в домашней, чем в концертной обстановке. Любители музыки приходили в гости, чтобы послушать хорошую музыку и самим принять участие в ее исполнении. Играли и слушали музыку сольную — для фортепиано, для скрипки, для флейты, для арфы и других инструментов. Играли сочинения и для дуэтов, трио, квартетов и даже для маленьких оркестриков. Обязательно принимали участие в таких домашних концертах и певцы.

По следам наших выступлений

«ЗВОНОК! ПОРА ЗАВТРАКАТЬ»

В 3-м номере журнала за этот год напечатана статья о рейде «Работницы» по школьным буфетам города Ярцева (Смоленская область). Мы рассказывали в ней о серьезных недостатках в организации питания школьников. После выступления журнала положение изменилось. Статья широко обсуждалась на педагогических советах, заседаниях городского отдела народного образования, горисполкома.

Постепенно камерная музыка вышла за пределы богатых особняков и стала исполняться в концертных залах, где мы слушаем ее и сегодня.

Одна из интереснейших форм камерной музыки — струнный квартет. Так называется ансамбль, состоящий из четырех инструментов: двух скрипок, альты (инструмент чуть побольше скрипки) и виолончели. Для струнного квартета написано очень много музыкальных произведений. Песня, наш «Сезам, откройся!», поможет нам войти и в эту область музыки.

Вот четыре музыканта, составившие струнный квартет, играют какую-то очень приятную и очень знакомую мелодию. Прислушаемся к ней повнимательнее. Она звучит удивительно нежно, гораздо нежнее и мягче, чем обычно звучат те же самые инструменты. Это оттого, что на них — на всех четырех — надеты сейчас сурдины — маленькие приспособления, вроде гребеночки с несколькими зубцами. Когда их надевают на струны, звук инструмента становится слабее, мягче и нежнее.

Что же за мелодию играет квартет? Да это снова русская народная песня «Сидел Ваня на диване»! Но как мастерски разработал Чайковский эту мелодию! Она звучит так, словно говорит: прислушайтесь ко мне получше, и вы услышите не только красоту мелодии, но и красоту русской природы и красоту души русского народа...

Песни звучат повсюду...

Если бы у нас было больше времени, мы продолжили бы наше путешествие с песней. Мы послушали бы, как она живет в форме романса, который так близок к ней, что трудно провести грань между ними.

Но, если все-таки мы захотим понять, в чем же эта разница, то прежде всего обратим внимание на то, что песня пишется чаще всего так, что петь ее может не только один, но и несколько человек, даже целые огромные хоры, а вот романсы исполняются только солистами. И форма песен обычно проще, чем романсов: песня, как правило, представляет собой несколько раз повторяющийся куплет, в романсе же мелодия развивается шире, свободнее, и куплетность тут вовсе не обязательна.

А затем мы прислушались бы к хорошим произведениям, к кантатам и ора-

ториям, в которых звучит уже не только хор, но и солисты и симфонический оркестр. Здесь к музыке обычно присоединяется драматический сюжет — и мы уже на пути в оперный театр.

Вот посмотрите, например, сколько песен и какие они все разные в кантате Сергея Прокофьева «Александр Невский»: «Песня об Александре Невском» — широкая, эпическая, неторопливо рассказывающая о том, как «было дело на Неве-реке»; потом страшная песня, похожая на средневековое католическое песнопение — ее поют крестоносцы, псы-рыцари; за ней, как могучий призыв защищать свою Родину от нашествия врага, во всю силу звучит песня «Вставайте, люди русские, на славный бой, на смертный бой...»; после этого идет главная часть кантаты — монументальная картина Ледового побоища, где композитор с поразительным мастерством столкнул в напряженнейшей борьбе тему русских воинов с темой крестоносцев и, завершив эту картину победным звучанием русской песни, образно показал слушателям исход этого кровавого побоища. После того, как закончилась битва и затихло мертвое поле, возникает полная непередаваемой тоски и печали песня девишки-невесты, оплакивающей своего жениха, погибшего героической смертью: «Я пойду по полю белому, полечу по полю смертному...» Завершается эта великолепная кантата колокольным звоном и радостным праздничным хором, сопровождающим въезд Александра во Псков, хором, звучащим наподобие знаменитого «Славься» из глинкаевского «Ивана Сусанина». Видите, сколько песен вобрала в себя лишь одна кантата!

Таким образом, заглянули мы в мир кантат и ораторий. Не прислушивались мы пока еще к музыке фортепианной. Здесь я хочу сказать несколько слов об одном своем собственном сочинении, которое написал в годы Великой Отечественной войны. Это сборник, состоящий из небольших пьес-«прелюдий» для фортепиано. Циклы, составленные из пьес под таким же названием, сочинялись многими композиторами-классиками, многими композиторами нашего времени, в том числе композиторами советскими. Так что в написании еще одного такого цикла ничего особенного, конечно, не было. И все же цикл этот отличается от всех других подобных циклов тем, что в основу каждой из своих прелюдий я положил мелодию какой-либо русской народной песни.

Так, народно-песенные мелодии превратились в мелодии фортепианные...

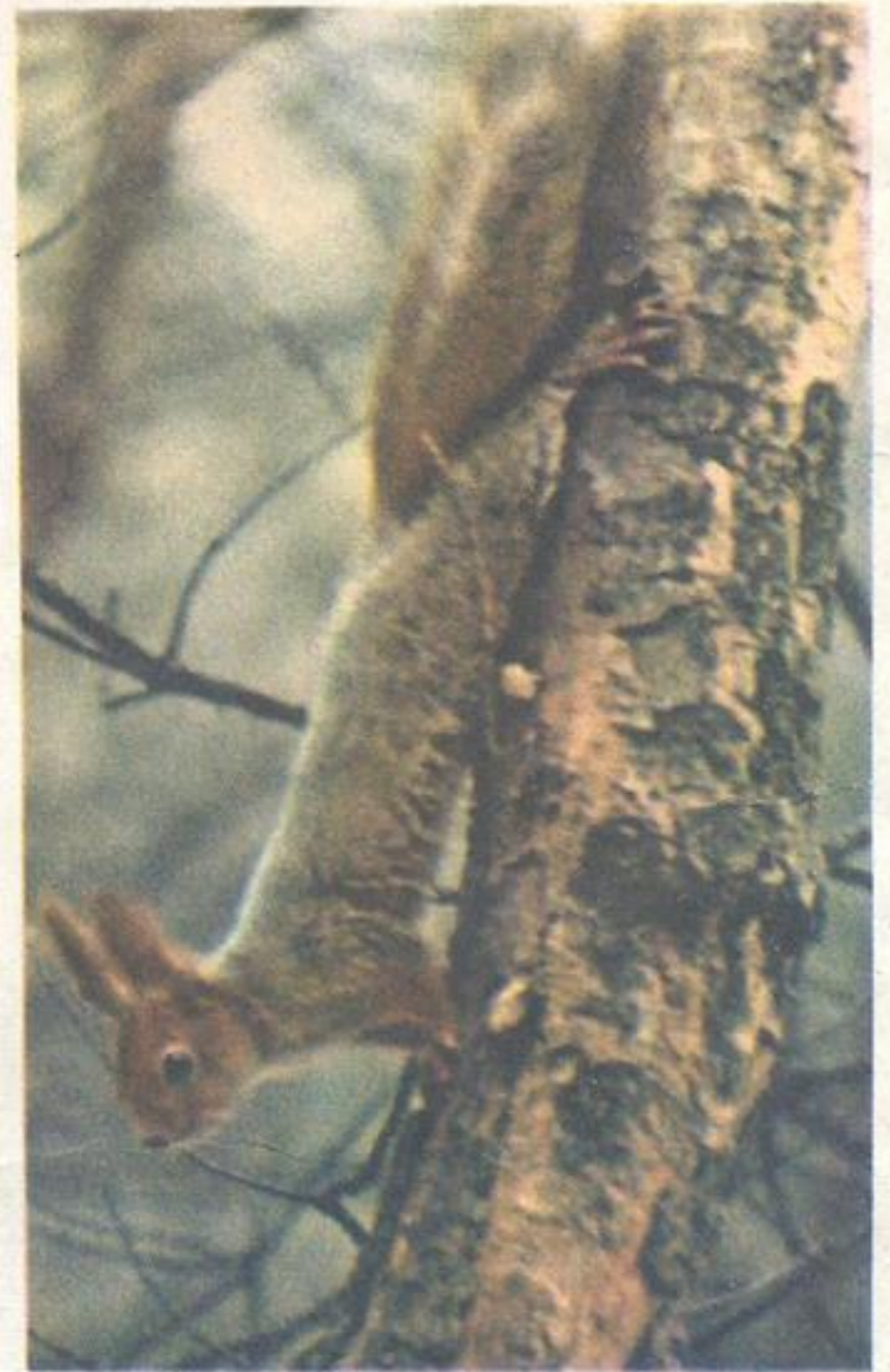
Помните, в начале главы я сказал, что вокруг нас часто звучат мелодии, в которых мы не узнаем знакомых песен, но про которые хочется сказать, что из этих мелодий могли бы получиться отличные песни. Случается, что мелодии, сочиненные композиторами, пронизывают все сочинение, мы даже не замечаем этих мелодий, словно нет у них ни начала, ни конца, и нам в таких случаях хочется сказать, что все сочинение поет как одна бесконечно льющаяся песня.

Но это уже не песня и не просто мелодия. Это то, что мы называем песенностью. И песенность эта пронизывает, можно сказать, всю музыку, хотя и проявляет себя, конечно, по-разному, как в музыке разных народов, так и в творчестве разных композиторов.

(Продолжение следует.)

Л. КАБАЧЕК.
ТАЙНА ВЕЛИКАЯ.
(Реставраторы).

В. МАРКОВА,
М. ТАРТАКОВСКИЙ

ХРАНИТЬ ЗАПОВЕДАНО!

Чего-то не хватает человеку в городе. Кажется, все удобства, все удовольствия под рукой — но нет, город пустеет по субботам и воскресеньям. Люди целыми семьями отправляются к реке, в лес, ночуют в палатках; пешком шагают с тяжеленными рюкзаками за спиной.

А идти, между прочим, приходится все дальше и дальше. Город с пригородами вбирает в себя зеленые окрестности.

Но вот, выбравшись из города, вы вдруг попадаете в совсем иной мир. И свежая трава пробилась у ваших ног. И деревья вдруг встали и сомкнули свои буйные кроны над вашей головой... И вы идете в глубь леса по чуть приметным тропам, протоптанным человеком ли, зверем ли, через некошенные, не тронутые ничьим прикосновением поляны.

Все это зеленое и живое изобилие в каком-нибудь десятке километров от Серпухова — в окружении заводов текстильного машиностроения, железобетонных труб, домостроительных комбинатов с цементными, кирпичными и прочими предприятиями. Это Приокско-Террасный заповедник. В Московской области нет ему подобных: здесь, по соседству друг с другом, разместились и клюквенные болотца, типичные для тундровой зоны, и дремучие затененные ельники — тайга в миниатюре, и широколиственные дубравы... В южной части на песчаных дюнах высокого левобережья Оки поднялись прямо к небу золотисто-медовые стволы сосен... А еще ниже, уже у самого берега, на последней приречной террасе раскинулось буйное степное половодье, расцвеченное миллионами голубых, желтых, алых, фиолетовых — не счесть расцветок и оттенков — цветов. Идешь по заповеднику, будто по земному меридиану, пересекая одну за другой различные зоны.

НА ВКЛАДКЕ

Слева, сверху вниз:

рябчик русский — так называется растение, которое встречается в заповеднике;

маленькая мухоловка — неутомимый охотник за насекомыми-вредителями;

одна из хозяек заповедника — М. Д. Кондратьева.

Справа:

на разных «этажах» леса: пасется на полянке косуля, скачет по ветвям белка... Много здесь цветов, но скромный колокольчик всегда радует глаз.

Фото И. КОНСТАНТИНОВА.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению, как возникла такая мозаичность. Одно можно сказать: это результат действия многих природных факторов и прежде всего смены в истории нашей планеты холодных и влажных циклов сухими и теплыми. К растениям севера постепенно добавлялись другие — более теплолюбивые.

А клюквенные болотца заселились длинноклювой, голенастой болотной птицей. С таежной елью появились здесь синичка-гаечка, малая мухоловка, рябчик, глухарь, трехпалый дятел, снегирь, клест. Широколиственные леса наполнились звоном и гомоном певчих птиц. Над степью же недвижно повисли на широко раскинутых крыльях пернатые хищники.

И точно в сказочную варежку поднабилося в этот заповедный край животных: «Ау! Кто здесь?» «Я мышка-норушка». «А я лягушка-квакушка»... «Я зайчик-попрыгайчик...» «А я лисичка-сестричка»...

Можно предположить, что некогда подобный ландшафт не был исключением. Но за последние сотни лет равнина в центральной и южной части страны значительно изменилась под воздействием человека: леса сведены почти на нет, полностью распаханна девственная плодородная степь... А эти приокские места по какой-то случайности остались нетронутыми. Вот почему вскоре после Отечественной войны это место было объявлено заповедным.

Здесь встречаются почти все виды растений средней полосы России, в том числе и редкие. Мы привыкли считать орхидеи каким-то экзотическим цветком, неведь в каких странах обитающим. Но в самой глуши приокского заповедного леса можно найти орхидею «адамов цвет». Есть у цветка и другое название — «венерин башмачок». Он и впрямь похож на чудесный золотистый башмачок богини.

Много здесь и такого зверья, что заведомо в сказочную варежку не влезет: лоси, косули, благородный олень и пятнистый... Лес вроде бы невелик, однако же не сразу увидишь и такого крупного зверя. Все смолкает и таится при человеческом приближении. Даже лось, приложив рога к спине, неожиданно бесшумно для такой громадины уходит в чащу. А примятый в траве след тут же исчезает.

Но присмотритесь внимательно, и кое-что из скрытой лесной жизни откроется вам. Вот барсучья нора... Вот кротовые выбросы. А это порою кабана и следы его на разрытой земле. А вон в ручье кабанья «ванна». Только что в ней лежал зверь. Еще стекает вниз по течению взмученная вода...

А тут будто какой-то браконьер-дровосек дерево подрубил. Это бобры, своими зубами. Поваленный ствол, еще несколько... За-

вал через русло — это бобровая плотина. Но к плотине не подойти, бобровых хаток сквозь заросли не разглядеть: топь во круг.

Бобры в заповеднике, можно сказать, новоселы. Привезли их несколько пар; они прижились, размножились, расселились по ручьям и речкам с ласковыми названиями: Таденка, Пониковка, Сушка... Сколько сейчас в заповеднике бобров, точно сказать невозможно. Животное это скрытное, человеку на глаза попадает совсем редко. Юные натуралисты Наташа Пономарева, Надя Уткина и Лена Федосеева из московского кружка при Всесоюзном обществе охраны природы в каникулы помогают научным сотрудникам заповедника определить количество бобров по косвенным признакам: следам, погрызам растений... Юннаты чертят планы бобровых поселений, обмеряют их длину по берегам речек, определяют длину плотин. Все это очень важно, чтобы понять условия обитания ценного пушного зверя.

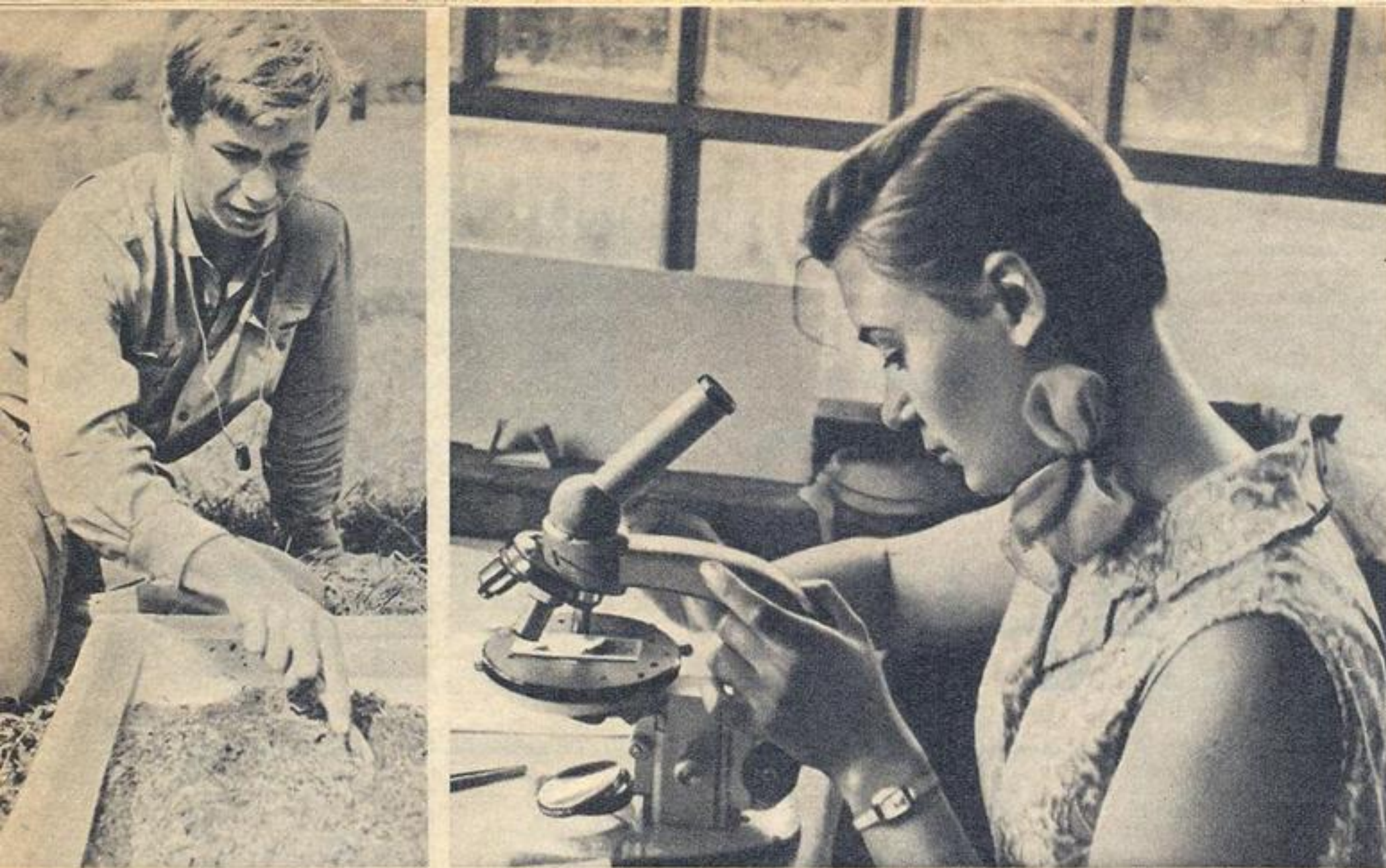
Приокско-Террасный заповедник — важнейший центр по выведению зубра. Когда-то этот зверь был широко распространен по всему матеруку Евразии — вплоть до Чукотки. Там он перешел на американский континент, спустился едва не до тропиков.

Миллионные стада бизонов — американских родственников зубра — были выбиты в прериях в совсем недавнее время. Зубров остались считанные единицы, и только в зоопарках различных стран. Биологов всего мира волновало, казалось, неминуемое исчезновение этих животных.

Сюда, в Приокско-Террасный заповедник, несколько чистокровных животных было доставлено из знаменитой Беловежской пущи. Их разведением занялся крупнейший в стране специалист по зубру, член «Группы зубра» Комиссии по охране редких видов животных Международного союза охраны природы, кандидат биологических наук Михаил Александрович Зabloцкий. Ему в первую очередь мы обязаны тем, что именно в нашей стране обитает наибольшее количество этих редких животных. Их вывозят из заповедника, расселяют по другим местам.

Каждый зубр, живущий на земле, учтен, занесен в специальную книгу и имеет свою индивидуальную кличку. У зубров, выведенных в этом заповеднике, клички: Молния, Мошка, Мотылек... — все на «Мо» — Московской области, значит. Мотылек, кстати, — это огромный бурый бык. Может, именно его мы и увидели со всем его семейством — с зубрихой-мамой и милым шоколадным теленочком.

Бык круто выгнул свой мощный мускулистый загривок, грудь его была широчен-

Студенты Анатолий Букин и Нина Лябик на практике в заповеднике.

ной, а бока поджары. Точно танк, двигался он по лесу. И впрямь танк... Бык ударил лбом зеленое высокое дерево — оно хрустнуло и сломалось. Еще раз — оно переломилось у основания кроны, когда бык поддел его рогом. Тут, вскидывая задом, подбежал теленочек, запрыгал вокруг зеленых веток, примериваясь, с какой начать. Это папаша позаботился о своем сынишке, которому не достать было веток высокого дерева.

Разведение редких видов животных — лишь одна сторона деятельности научного коллектива заповедника. Пожалуй, еще более важная их задача — сохранить сложный природный комплекс, который служит ученым для понимания естественных процессов, происходящих в природе без вмешательства человека.

Энтомолог заповедника, то есть специалист по насекомым, Галина Алексеевна Милованова изучает естественные методы борьбы с вредными насекомыми. Первейший губитель леса — бледно-салатовая маленькая бабочка, дубовая листовертка. Кстати, в этом году многие дубы в подмосковных лесах и даже в черте города поражены листоверткой.

У вредителей леса тоже есть смертельные враги — энтомофаги, то есть пожиратели насекомых. Эту роль в отношении дубовой листовертки играет наездник. Он садится на завернутый лист, в котором находится гусеница, и откладывает яички в ее тело. Гусеница погибает: она становится

пищей для личинки и куколки наездника.

В устах Галины Алексеевны неприятное слово «зараженность» приобретает несколько иной оттенок. Она говорит о зараженности леса... полезными насекомыми.

— Осторожно! — замечает она. — Под ногами у вас муравьиная дорожка. Переступите ее!

Эта дорожка не для праздных прогулок: муравьи вечны заняты делом. Для выращивания молодняка и кормления маток муравьям необходима белковая пища — насекомые и их гусеницы. Одна муравьиная семья очищает от вредителей примерно четверть гектара леса.

Муравейники разнообразны почти так же, как разнообразны человеческие города. Вот подземный «город» — еле заметные нашему глазу дырочки в земле. Вот огромный конус из хвои и веточек чуть ли не в человеческий рост... Вот конус поменьше, но рядом другой — такой же, словно бурно растущее предместье столичного города. И совсем необычный муравейник — кольцевой — аккуратная пирамида вокруг ствола старого дерева. Кажется, весь он шевелится — будто подернут дрожащим маревом — от мириад муравьев на нем.

Студент-биолог Анатолий Букин, проходящий в заповеднике преддипломную практику, разрабатывает методику увеличения муравьиных семей. Он подкладывает на излюбленные муравьями тропы желто-белые куколки, взятые из других, разросшихся муравейников. Эти куколки он собирает столь

же просто, сколь и хитро: помещает часть муравейника в обширную плоскую коробку и перемешивает. Муравьи спешат прежде всего спасти куколки, снести их в какое-нибудь безопасное место, в темноту. Пожалуйста: Анатолий в качестве такового предоставляет муравьям небольшую затемненную коробочку. В ней постепенно накапливаются куколки.

Это лишь одна из студенческих работ, которая будет иметь практическое применение. Всего же за год в заповеднике проходят практику около двухсот студентов.

А туристов перебивают здесь за год многие тысячи. Вообще-то говоря, заповедник не для того создан, чтобы его посещали туристы, но ученые, работающие здесь, не могут не уделять часть своего времени пропаганде биологических знаний. Автобусы из Москвы, Серпухова, Тулы останавливаются сразу у ворот заповедника, а туристы идут дальше пешком через лес к зубропитомнику.

— Главная наша забота, к сожалению, не организованные туристы, а «дикари», — говорит старший научный сотрудник заповедника Мария Дмитриевна Кондратьева. — Основной их поток движется по Оке, вдоль южной границы охраняемой территории. Забредая в заповедный лес, они собирают грибы, ягоды, рвут цветы. Сорванный букет простоит день-два в комнате — и засохнет. Да подчас его и до дому не доносят. А рвать цветы в заповеднике категорически запрещается. Ведь растение дает семена, а из семян следующей весной вырастает новое растение, новый цветок.

Но все же считаться с туристами надо. И Мария Дмитриевна подробно рассказывает нам о проекте создания близ самого берега Оки музея природы. Здесь же будут просторные вольеры для показа животных, живущих на заповедной территории. Пятнадцать гектаров будет выделено для «микрорезервата» — участка, на котором воссоздадут сложный природный комплекс.

Конечно, будут и удобства для приезжающих: гостиница, место для палаток, очаги...

...На противоположном берегу Оки, как раз против того места, где проектируется новая усадьба заповедника, высятся многоэтажные современные здания. Это — Пушино-на-Оке, молодой быстрорастущий центр биологических исследований Академии наук СССР. Здесь уже работают научные институты белка, фотосинтеза, биохимии и физиологии микроорганизмов, биологической физики, а также СКБ биологического приборостроения. Для многих из них Приокско-Террасный заповедник будет служить прекрасной «зеленой лабораторией» — ведь любой эксперимент в биологии начинается с наблюдения живой природы.

Пушино-на-Оке.

ВРЕДНО ЛИ излучение телевизоров?

покойство, как и под прямым воздействием рентгеновских лучей. Любопытно, что крысы обладают способностью, которой нет у людей, — воспринимать рентгеновское излучение. Длительное «увлечение» телепередачами приводило крысят к физическому истощению. По всей видимости, к экрану не стоит садиться близко. А детские кровати ни в коем случае нельзя ставить ближе трех метров к работающему телевизору.

ПОЧЕМУ море соленое?

Когда об этом спросили маленького мальчика, он не задумываясь ответил: «Потому, что в нем селедка плавает». Конечно, это шутка. Ученые отвечают на этот вопрос по-разному,

но все с меньшей и меньшей категоричностью.

Одни полагают, что соль принесли реки. Уже дождевая вода не является дистиллированной: падая на землю, она по дороге растворяет мельчайшие кристаллики солей, всегда находящиеся в воздухе. Затем, просачиваясь сквозь почву, она вымывает по дороге имеющиеся там соли и уносит их с собой. Поэтому речная вода, которую мы называем пресной, на самом деле слегка соленовата. Принесенная ею в моря и океаны соль накапливается здесь век за веком, тысячелетие за тысячелетием. Испаряется ведь только чистая вода, а соль остается! Можно даже подсчитать, сколько времени потребовалось, чтобы моря и океаны приобрели нынешнюю соленость.

Другие ученые с этим не согласны. Они считают, что моря и океаны рождались солеными, когда вода выделялась из недр нашей планеты. Правда, за прошедшие миллиарды лет мор-

ская вода могла стать несколько солонее.

Кто из ученых прав, покажут будущие исследования.

БЫВАЮТ ЛИ мухи полезными?

Да, бывают. Существуют даже питомники полезных мух. В Латвии, например, их разводят на Огрской станции. Это мухи-трихограммы — прекрасные помощники садоводов и земледельцев. На этой уникальной станции работают всего два человека. И дают они годовую продукцию — четыре килограмма мух. Весной, когда в яблоневых садах появляются вредители, их атакуют и обращают в бегство крылатые защитники деревьев. Интересно, что спасти огромный плодовый сад может отряд мух общим весом в один грамм!

Заметки о природе

РЯБИНУ ЛЮБЯТ И ПТИЦЫ

Сквозь обнаженные кроны деревьев рдеют грозди рябины. Тонкие ветки гнутся под тяжестью ягод. Щедрое угощение для пернатых!

Очень любопытно наблюдать за посетителями лесной столовой. Здесь свой порядок. Первыми прилетают стайки дроздов-рябинников. Уже по названию видно, что это большие гастрономы. Летом они уничтожают вредных насекомых, а осенью и в начале зимы переходят на ягоды. В урожайные годы их можно и в декабре и даже в январе встретить там, где растут ягодники. Задержавшись с отлетом на зимовку ради любимого корма, птицы объединились в большие стаи.

Рябинники ведут себя в столовой не очень аккуратно: без умолку болтают за едой, мусо-

рят и роняют ягоды. Позже их подберут лисицы и зайцы. Дрозды глотают рябинки целиком. Мякоть переваривают, а семечки и косточки разносят по лесам и полянкам. Любопытно, что семена, побывав в желудке дроздов, не только не теряют всхожесть, но даже быстрее прорастают.

Во время кормежки дрозды выставляют на вершинах окрестных деревьев сторожей. При малейшей опасности они подают сигнал и взлетают первыми. За ними поднимается вся стая.

Другой посетитель столовой — снегирь — ведет себя гораздо спокойнее и солиднее. Сорвет рябинку, разомнет ее, семечки, богатые жиром, проглотит, а ягодку уронит. Освещенные выгнувшимся из-за туч солнцем, снежиры восхитительны. Еще яр-

че вспыхивают краски их оперения. После еды доверчивые и спокойные птицы не спешат с отлетом, перекликаются мягкими флейтовыми звуками, чистят перышки. Потом разом вспорхнут и улетят.

...Вот с серебристой трелью опустились на рябину нарядные, розовато-серые хохлатые свистелы, тоже большие любители ягод. Они рвут рябину торопливо, глотают целиком. За день свистель съедает ягод больше, чем сам весит.

Если будете терпеливы, сможете понаблюдать и других любителей рябины — глухарей, тетеревов, рябчиков. Только не шумите и не пугайте птиц.

И. БАЛБЫШЕВ,
действительный член
Географического общества СССР

ВЛАДИМИР ЛИДИН И ЕГО КНИГИ

«С большим удовольствием прочитала в вашем журнале № 3 за 1969 год рассказ Вл. Лидина «Посошок»...»

«Я не литератор, но, по моему глубокому убеждению, автор в этом рассказе поднялся до вершин чеховского повествования...»

«Не откажите в любезности рассказать на страницах журнала об авторе и что он еще написал...»

Много подобных писем получила редакция за последние месяцы. Выполняя просьбу читателей, мы рассказываем о прозаике Владимире Германовиче Лидине. Недавно Владимиру Германовичу исполнилось семьдесят пять лет, пятьдесят пять из которых он отдал литературе.

* * *

Владимир Германович Лидин родился в Москве, окончил Лазаревский институт восточных

языков и Московский университет.

Печататься начал рано, в 1915 году, сразу по окончании юридического факультета. А спустя год появились и первые сборники его рассказов: «Трынтрава» и «Полевая вода».

Во время гражданской войны молодой писатель с оружием в руках защищал Советскую республику. И только после войны снова взялся за перо. Произведения Лидина, появившиеся в эти годы, посвящены смелым, волевым людям, знающим, что такое счастье, и умеющим бороться за него.

В годы Великой Отечественной войны Владимир Лидин — военный корреспондент газеты «Известия». Его очерки военных лет собраны в книге «Зима 1941 года».

Свой первый послевоенный роман — «Изгнание» — писатель посвятил борьбе советского народа против фашистских захватчиков. А в 1950 году увидел свет другой роман писателя — «Две жизни», рассказывающий о мирном труде москвичей.

Москва — родной город Лидина. И хотя писатель показал нам в своих книгах и Украину, и Дальний Восток, и множество русских городов, и даже дале-

кий Париж, его все-таки с полным правом можно назвать московским писателем. Лидин искренне любит Москву, она кажется ему прекрасной даже в самый знойный, душный день: «Москва в воскресный день летом дивная...»

То и дело мелькают в рассказах Лидина названия старых московских улиц и переулков, памятник А. С. Пушкину и хорошо известный всем приезжим Центральный телеграф «со своим цветным, медленно вращающимся глобусом над входом». Не раз встречались мы в послевоенных книгах Лидина и с образом новой, строящейся Москвы: «...на клокастых полях, на которых ветер клонил бурьян и росли лопухи... стоят теперь в архитектурном порядке белые дома, они поставлены чуть вкось, наверное, с учетом, что солнце восходит с востока, заходит с запада, и нужно, чтобы его свет с утра и до вечера был в комнатах...»

В новом жанре выступил перед читателями Владимир Германович в 1966 году. «Друзья мои — книги» — это заметки ниголюбия, внимательно написанные истории о судьбе книг, спутников и друзей человека.

Лидин владеет различными литературными жанрами. И все-таки наиболее известен он как рассказчик, мастер психологической новеллы. Читателям полюбили сборники его рассказов, изданные в последние годы: «Шум дождя», «Сердца своего тень», «Облачный день над морем».

В нынешнем, 1969 году вышел новый сборник Вл. Лидина «Главы утра», где собраны рассказы 1967—1968 годов. Героями этих рассказов, написанных добрым и умным человеком, являются люди самых разных профессий, люди, с которыми мы встречаемся ежедневно. Но в каждом из них — маляре, механике, стороже, шофере, работнице, продавщице, школьной нянечке — писатель умеет разглядеть и щедрое сердце, и самоотверженность, и тонкость чувств. Он радуется радостями своих героев, гордится ими, счастлив, когда счастливы они, и полон горьких раздумий, когда ведет речь о человеке с несложившейся судьбой.

Лидин убежден, что «людям положено не бесследно проходить по жизни. Может быть, поэтому его герои не проходят безликой вереницей перед глазами читателя.

М. НАЗАРОВА

SOS - КУ!

«Уважаемая редакция!

Родился у нас в семье сын Игорек. Хороший, здоровый мальчик. Но вот беда: не берет малыш грудь — жидкое у матери молоко оказалось. Это поправимо, конечно: в детской кухне заготовлено для Игорька и молоко по вкусу и многое другое.

Принесли молоко в бутылочке. Теперь надо на бутылочку соску. Побежал я в аптеку, другую, третью — нет сосок.

— Послушайте, — взмолился я, — где же соски?

— А разве вы не знаете, — отвечает мне пожилая аптекарша, — что сосок уже два года нет?

Теперь пишу письмо к вам в редакцию: ведь каждые восемь секунд у нас в стране рождается новый Игорек или Танечка, и пусть не всем им, но ведь многим нужны соски!»

Это письмо прислал нам **В. Н. ЗАБРОДИН** из Мазановского района, Амурской области.

Что же происходит с сосками? Это мы решили выяснить. И отправились в Министерство здравоохранения СССР.

— Опять соски? — удивилась Лидия Васильевна Дружинина, главный специалист Управления лечебно-профилактической помощи детям и матерям. — Мы занимались сосками в прошлом году.

«Занимались»: было подсчитано, что план производства сосок на 1969 год удовлетворит потребность в них лишь наполовину.

— Но Министерство здравоохранения сосок не производит, — заключила разговор Лидия Васильевна.

Идем в Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР.

— По нашим расчетам, сосок должно хватать, — сказал Александр Алексеевич Гвоздев, начальник Всесоюзного объединения «Союзрезинаобувьпром». — Детские соски выпускают три завода. Круглые, короткие соски на бутылочки выпускает московский завод «Вулкан»: он производит их 4 миллиона. До 13 миллионов дает завод в городе Волжском. Длинных сосок выпускаем 88,5 миллиона штук. Изготавливает их киевский завод «Красный резинщик». Всего получается 105,5 миллиона сосок в год.

Стоп! Давайте разберемся. Врачи рекомендуют короткую соску: форма ее более удобна, напоминает материнский сосок — дети охотнее берут ее; она лучше надевается на бутылочку и крепче держится на ней. И отверстие имеет готовое. Почему же коротких сосок выпускается так мало?

На этот вопрос нам ответил Игорь Иванович Коровин, работник объединения «Союзрезинаобувьпром»:

— Короткие соски освоены промышленностью сравнительно недавно. И еще одно обстоятельство: с мест поступает больше заявок на длинные. А мы не можем не считаться с заявками. Но постепенно увеличиваем производство и коротких сосок. Московский завод «Вулкан» к концу пятилетки будет выпускать до 10 миллионов коротких сосок в год. В городе Волжском, — тут Игорь Иванович сделал длительную паузу. — Да, здесь явное невыполнение...

Выяснилось, что цифра, названная Александром Алексеевичем Гвоздевым, — 13 мил-

лионов — это мощность, которой завод сможет достигнуть только к середине 70-го года, а в 1968 году завод выпустил только 7 миллионов сосок.

Не выполняет сегодня план и киевский завод «Красный резинщик». Нет уверенности в том, что завод увеличит производство сосок и в 1970 году. Директор этого завода сообщил, что цифра — 150 миллионов длинных сосок в год, планируемая министерством — нереальна. Собирались пустить на заводе поточные линии изготовления сосок. Такая линия-автомат разработана инженерами завода, демонстрировалась на ВДНХ, ее изобретатели награждены медалями. Но заказ на изготовление линии-автомата с 1968 года лежит без движения на Волжском механическом заводе. И будет ли он выполнен к 1 января 1970 года, сказать трудно.

...А ведь каждый день на свет появляются все новые и новые малыши. И им нужны соски. Как же быть? Нельзя ли наладить производство сосок на местах, на заводах, выпускающих изделия из пищевой резины?

— Да, конечно, это выполнимо, производство ведь несложное, — ответил Игорь Иванович Коровин.

Редакция и тысячи матерей надеются, что Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР сделает все, чтобы соски перестали быть дефицитным товаром, чтобы было их много — и коротких, и длинных, и из латекса (Научно-исследовательский институт резиновых и латексных изделий разработал хорошие соски из латекса — сока каучукового дерева гевеи).

Обращаемся с вопросом и к Главному аптекоуправлению Министерства здравоохранения СССР: почему в аптеках центральных районов страны соски залеживаются, а во многих городах и селах Дальнего Востока, Сибири их нет?

З. ИЛЬИНА

Пять минут для первоклассника

Малышам — первоклассникам трудно с непривычки долго сидеть за партой. Они быстрее привыкнут, если один-два месяца будут с вашей помощью проделывать дома несколько несложных упражнений. Неважно, когда — утром или после школы. Важно лишь, чтобы гимнастика эта была регулярной, а не от случая к случаю.

1. Лечь на коврик на живот. Поднять руки и ноги вверх и в таком положении несколько раз покачаться.

2. Упражнение на внимание. Положение — стойка, руки опущены вдоль

тела. На счет «раз» — подскок на месте, ноги на ширину плеч, хлопок над головой. На счет «два» — возвратиться в исходное положение. Это упражнение полезно и для развития координации движений.

3. Положение — стойка.левой рукой через плечо взяться за правую руку, которая за спиной поднимается вверх. То же правой рукой.

4. Положение — стойка, руки опущены. Перед собой сплести пальцы рук и попробовать перешагнуть через эту преграду сначала левой, потом правой ногой. То же упражнение проделать, сплетая руки за спиной и стараясь не потерять равновесия.

5. Лечь на коврик на спину, ладони под затылок. Взрослый придерживает ноги, чтобы не отрывались от пола, а ребенок садится, как можно ниже наклоняется вперед и локтями касается колен (колени от пола не приподнимать!), затем снова ложится.

Из польского журнала «Кобета и жице».

ЗАГОТОВКИ ВПРОК

Моченые фрукты и ягоды

Чаще всего мочат яблоки, сливы и бруснику. Перед мочением яблоки (сорта выбирают кисло-сладкие, твердые) пусть 15—20 дней полежат, затем разберите их по размерам, отделите червивые и мятые. Если на плодах сохранились плодоножки, оставьте их. Помойте целые яблоки в проточной воде и плотно укладывайте в чистые бочки, дно и стенки которых выстланы соломой, предварительно ошпаренной кипятком. Кладите два-три слоя яблок, слой соломы и снова яблоки. Сверху положите последний слой соломы и вставьте дно. Солома не только предохраняет яблоки от повреждения, но и придает им специфический вкус. Желательно, чтобы она была ржаная, чистая и без постороннего запаха.

Укупоренные бочки через шпунтовое отверстие заполните раствором сахара, воды и солода. Солод 10—15 минут кипятите с водой (50 г солода на литр воды), затем добавьте еще воду, сахар и соль, помешивая до полного растворения. На 10 кг яблок нужно 0,2 кг сахарного песка, 0,1 кг соли, 50 г солода. Вместо солода иногда

используют смешанную с водой ржаную муку, а для улучшения вкуса и аромата яблок вместо сахара кладут в удвоенном количестве мед. Воды нужно столько, чтобы раствор залил яблоки.

При мочении антоновки никакие пряности не прибавляют, для остальных сортов в бочки кладут вишневые или черносмородиновые листья.

Первые 5—6 дней ежедневно проверяйте уровень раствора в бочке, при необходимости доливайте его. 10—15 дней нужно выдерживать яблоки при температуре 15°, затем поставить в холодное место. Примерно через месяц яблоки готовы — у них ровная окраска, освежающий вкус и яблочно-винный запах.

Сливы мочат так же, как и яблоки, бруснику немного иначе. Ее перебирают, удаляют плодоножки, листочки и прочие примеси, моют, плотно укладывают в бочки или банки и заливают сахарным раствором (на 10 кг брусники берут 4—5 литров воды и 400—500 г сахара-песка). Можно добавить корицу, гвоздику и нарезанные половинками яблоки.

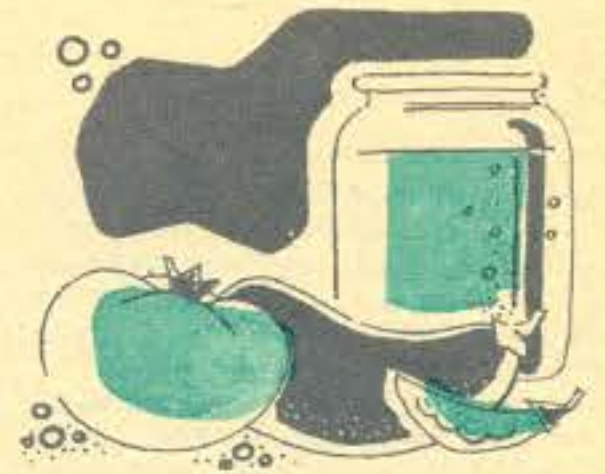
БАКЛАЖАНЫ ДЛЯ ИКРЫ

Вымойте баклажаны и испеките на железном листе или сковородке с крышкой. Очистите от кожицы, удалите плодоножки и уложите горячими в подготовленные банки (банки не надо заполнять полностью — оставьте примерно 1,5—2 см). В поллитровую банку укладывается около 500 г баклажанов. Затем добавьте неполную чайную ложку соли и столовую ложку десятипроцентного уксуса. Стерилизуйте поллитровые банки около часа, литровые — час с четвертью и немедленно закатайте.

Можно добавить в баклажаны помидоры и печеный перец. В поллитровую банку кладите один помидор средней величины, разрезанный на 4—6 частей, и 4—5 печеных перцев, затем баклажаны, уксус и соль, как обычно.

Из этого полуфабриката получается очень вкусная икра. Выложите содержимое банки на тарелку, измельчите ножом, добавьте по вкусу мелко нарезанный лук, молотый черный горький перец и заправьте двумя столовыми ложками подсолнечного масла.

Можно консервировать тыкву с квашеной капустой (пополам), но тогда не нужен уксус.

ОВОЩНАЯ ЗАГОТОВКА ДЛЯ ВТОРЫХ БЛЮД

Разберите помидоры по размеру и качеству. Лучшие вымойте и разрежьте на 2—4 части, остальные пойдут на приготовление заливки. Очистите от плодоножек и семян сладкий перец, вымойте его, разрежьте на кусочки. Баклажаны тоже разрежьте на кусочки и положите на полчаса в соленую воду (3 ложки соли на литр), чтобы ушла горечь.

У стручков зеленой фасоли удалите концы, затем разрежьте их на кусочки длиной 2—3 см, вымойте. Перец и фасоль бланшируйте, то есть опустите на 3—5 минут в кипящую, а затем в холодную воду.

Теперь приготовьте заливку: разрежьте на кусочки помидоры, поварите их минут 10 и протрите через дуршлаг или мелкое сито, чтобы отделить кожицу и семена. Полученную массу посолите и, помешивая, доведите до кипения. В кастрюлю с горячей заливкой уложите подготовленные перец, баклажаны, зеленую фасоль и на слабом огне кипятите еще 20—30 минут.

В каждую банку положите 5—10 г нарезанной зелени сельдерея и петрушки, затем помидоры, а сверху слой овощей. Банки накройте крышками и стерилизуйте (поллитровые 30 минут, литровые 40).

На поллитровую банку консервов потребуются: 125 г помидоров, столько же перца, 75 г баклажанов, 25 г зеленой стручковой фасоли, 10 г зелени, 5 г соли, 150 г томатной заливки.

КОНСЕРВИРОВАННАЯ ТЫКВА

Зрелую тыкву с плотной золотисто-оранжевой мякотью разрежьте пополам, удалите семена и снимите кожуру. Затем разрежьте на кубики примерно в 1 см, подержите 1—2 минуты в кипящей и охладите в холодной воде. В поллитровую банку положите 300—350 г тыквы, столовую ложку уксуса, 3—4 штуки гвоздики и столько же черного перца, кусочек корицы и лавровый лист, залейте кипящим раствором (на литр воды 3 чайные ложки соли и 2 ложки сахара). Консервируйте как обычно.

О том, Осем

Рисунки И. КЛЕШКО

И снова осень... Мы снимаем летние туфли и босоножки, достаем уличную обувь, теплые сапоги. Сейчас очень распространена замшевая и резиновая обувь. Умеете ли вы за ней правильно ухаживать?

● Замшевую обувь изготавливают из натуральной кожи и разных заменителей. Самим определить, что это за материал — трудно, поэтому любую замшу берегите от бензина, ацетона и прочих растворителей. Лучше примириться с пятном на ботинке, чем испортить его вовсе. В крайнем случае попробуйте вывести пятно нашатырным спиртом.

осторожно и как можно реже, иначе замша сотрется, образуется некрасивая «лысина».

● Лучше всего чистить замшевую обувь чистой сухой щеткой. Белесые, залоснившиеся места протрите металлической щеткой, чернильной резинкой или тонкой наждачной бумагой. Но делайте это

● Очень грязную замшевую обувь можно иногда мыть теплой водой с любым стиральным порошком. Мойте мокрой тряпкой, стараясь, чтобы воды было поменьше, а потом протрите сухой тряпкой. Не забудьте, когда поставите туфли сушить, плотно набить их ветошью или мягкой бумагой.

● На замшевых сапожках от сырости часто появляются некрасивые, белесые разводы. Избавить-

ся от них трудно. Старайтесь, по возможности, оберегать замшу от воды, если же не удалось — сразу, как придете домой, набейте сапоги бумагой, высушите, а потом тщательно почистите щеткой. Если пятна остались — помойте теплой водой с мылом. Сильно загрязненную обувь сначала протрите мокрой тряпкой, а потом уж сушите и чистите.

● В резиновые сапоги всегда кладите стельки, лучше теплые. Надевайте их только в дождливую погоду: если носить резиновую обувь постоянно, ухудшается дыхание кожи, ноги могут отекать, болеть.

● Возвратившись с улицы, протрите сапожки влажной тряпкой, но не слишком энергично. Никогда не сушите резиновую обувь у огня и не держите в шкафу, где есть нафталин: резина от этого грубеет, а светлая еще и теряет цвет. Кстати говоря, все белые сапожки со временем становятся розоватыми — это неизбежно.

● Если сапог прохудился, можно сделать заплату — из такой же резины и с помощью резинового клея. Зачистите заплату наждачной бумагой, протрите ее и поврежденное место бензином. Нанесите один слой клея, дайте высохнуть, потом сделайте то же самое еще раз, а когда просохнет — ставьте заплату и постепенно, от середины к краям, прижимайте, стараясь, чтобы не осталось пузырей воздуха.

М. ДАНИЛОВ

ВКУСНАЯ РЯБИНА

Растет она повсюду: на опушках лесов, по берегам рек, даже на лугах. Горьковато-кислые плоды рябины, собранные в оранжево-красные гроздья, красуются на деревьях и зимой.

Рябина славится не только поэтической красотой. Она еще очень полезна, богата витаминами. Недаром ее называют настоящим поливитаминным концентратом. По содержанию витамина С, например, она не уступает лимонам и значительно превосходит землянику, малину, яблоки. Витамин С в рябине не «чистый», а в сочетании с витамином Р и каротином, что особенно важно для организма. Ценно и то, что в рябине есть легкоусвояемый сахар — глюкоза и фруктоза (яблочная кислота), пектиновые, дубильные и другие полезные вещества.

Интересно, что в народной медицине рябину применяют при желудочных расстройствах как закрепляющее, а также как антицинготное, мочегонное и кровоостанавливающее средство.

Рябина созревает в начале осени, но собирать ее лучше после заморозков — прихваченная морозом, она не такая горькая. Ягоды, сорванные вместе с плодоножками и листьями, хорошо сохраняются свежими, если развесить или разложить их на чердаке или в сарае и держать при температуре, близкой к нулевой. Хорошо сохраняется замороженная рябина, если не давать ей оттаивать. Можно и сушить ягоды в духовке или печке при невысокой температуре. Из сушеной рябины можно приготовить компоты, кисели, начинку. Отвары сушеных ягод и распаренная мякоть — ценнейший источник витаминов, особенно нужный и полезный ранней весной. Из сушеной, слегка поджаренной рябины готовят и ароматный «фруктовый чай» или плодую муку, которую добавляют для вкуса в тесто.

Из свежей рябины варят варенье, смокву, джем, повидло, мармелад, пастилу, делают компоты. Очень вкусна засахаренная рябина (наподобие цукатов), моченая, маринованная. Часто варят рябину не одну, а вместе с яблоками, айвой, грушами, сливами.

Вот несколько рецептов.

Чтобы сварить варенье, опустите ягоды на 3—5 минут в кипяток или поставьте на один-два часа в теплую духовку. На 1 кг рябины возьмите 1,5—1,7 кг сахара и 3 стакана воды. Кипящим сиропом залейте ягоды и через 6—8 часов варите, снимая несколько раз на 10—15 минут. Готовому варенью дайте выстояться 10—12 часов, затем разложите в банки. Если сироп жидкий, слейте его, подержите еще на огне, чтобы «упарился», и снова залейте варенье.

Рябину для цукатов варят так же, только несколько дольше, чтобы сироп стал вязким. Сразу после варки ягоды вместе с сиропом выложите на сито и оставьте на 2 часа, чтобы сироп полностью стек. После этого разложите ягоды в один слой на сито, подсушите в нежаркой духовке (40 градусов) и обсыпьте мелким сахарным песком, осторожно встряхивая. Засахаренные ягоды подсушите еще раз, потом уложите в банки и плотно закройте.

Джем. Рябину готовят так же, как для варенья: опускают в кипяток или ставят в духовку. Затем раздавите ягоды и варите их с небольшим количеством воды (половина стакана на 1 кг плодов), добавляя в несколько приемов сахар (на 1 кг рябины около 1 кг или чуть больше сахара). Варите, помешивая и снимая пену, пока джем не будет готов: капля его на тарелке быстро густеет и не растекается. Горячий джем переложите в чистые сухие стеклянные банки, накройте полиэтиленом и дайте остыть, а потом плотно завяжите чистой пергаментной бумагой и поставьте в прохладное место.

Повидло. Залейте ягоды небольшим количеством воды, варите на умеренном огне, пока не станут совсем мягкими, сразу протрите через сито. Затем снова поставьте на огонь, поварите, добавьте сахар (600—700 г на 1 кг плодов), варите, помешивая, пока повидло не станет густым. Разлейте в банки, как джем. Рябиновое повидло часто варят с морковью.

Мармелад. Варите так же, как повидло, но протирайте через более частое сито. И сахара потребуется больше (примерно стакан на стакан). Непрерывно помешивайте до тех пор, пока на вынутой ложке не останется слой мармелада. Разливайте мармелад горячим.

Пастила. 10 стаканов рябины раздавите в кастрюле ложкой, прибавьте 5 стаканов сахара, закройте и ставьте в духовку средней температуры. Когда ягоды дадут сок, перемешайте их, а после того, как весь сахар растворится, протрите через сито и дайте остыть. Прибавьте яичный белок (на 3 стакана рябинового пюре 1—2 белка), взбивайте, пока масса не побелеет, затем положите в невысокий деревянный ящичек, заполнив его примерно на треть, и снова поставьте в не слишком жаркую духовку, чтобы масса подсохла. На подсохший пласт кладите второй, затем третий. Накройте подсушенную пастилу белой бумагой, закройте ящик крышкой и поставьте в сухое прохладное место.

Для приготовления смоквы держите ягоды в горячей духовке, пока не станут мягкими, потом залейте кипятком, разварите до полного размягчения и протрите через сито. Засыпьте сахаром (стакан сахара на стакан протертой рябины), варите, помешивая. Когда смоква станет легко отделяться от дна таза, выложите ее на блюдо, смоченное водой, подсушите в духовке, а затем разрежьте на кусочки, пересыпьте сахаром, уложите в банки и плотно завяжите пергаментом.

Рябина в сахаре. Сварите слабый сироп (на стакан воды стакан сахара) и, оставив его на маленьком огне, погружайте в сироп каждую ветку рябины отдельно, затем обваляйте в мелком сахарном песке и подсушите в нежаркой духовке.

Рябина на меду. Запеченную на противне в нежаркой духовке рябину опустите в подогретый на огне докрасна мед и варите, как обычное варенье.

З. КОЧЕТКОВА,
инженер-технолог питания

Остед из Бумарски

ШОПСКИЙ САЛАТ

Вымойте овощи в холодной воде, если огурцы горькие — очистите их. Порежьте огурцы и помидоры тонкими ломтиками, а лук, сладкий и горький перец — маленькими кусочками. Выложите в салатницу, полейте уксусом, подсолнечным маслом, посолите и посыпьте сверху мелко нарезанным укропом и натертой на терке брынзой.

На 4 помидора: 2 огурца, 4 сладких перца, 1—2 горьких перца, луковица, 2—3 столовые ложки масла, 200 г брынзы, соль, укроп, уксус — по вкусу. Если нет свежих огурцов, можно взять консервированные.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ СУП

Сварите 4—5 крупных картофелин, разомните их. Пожарьте в двух столовых ложках сливочного масла одну столовую ложку муки, добавьте в картофельное пюре стакан молока, перемешайте, влейте пять стаканов горячей воды или бульона и снова хорошо размешайте. Готовый суп подавайте с мелко нарезанным крутым яйцом и зеленью петрушки.

ПЕРЕЦ, ФАРШИРОВАННЫЙ БРЫНЗОЙ

Возьмите свежий или консервированный перец, удалите плодоножку, зерна и варите в небольшом количестве воды под крышкой 10—15 минут. Выньте из кастрюли и остудите. Брынзу ошпарьте кипятком и оставьте в воде примерно на полчаса. Затем, дав ей обсохнуть, натрите на терке, смешайте со сливочным маслом, посыпьте зеленью. Этой массой нафаршируйте перцы.

На 300 г перца: 200 г брынзы, 50 г сливочного масла, 20 г зелени.

Рисунки И. КЛЕШКО.

КРЕМ-КАРАМЕЛЬ

Разотрите с яйцами сахар (2/3 стакана), добавьте ванилин, холодное молоко. Третью стакана сахара высыпьте в сковороду, смочите водой и нагревайте, пока сахар не станет коричневым. Положите его на дно глубокой тарелки или миски, залейте приготовленной молочной смесью. В глубокую сковородку налейте на 2—3 см холодной воды, поставьте в нее тарелку со всем содержимым и держите 5—7 минут в духовке при 130—150°. Крем-карамель подают холодным или горячим, на маленьких десертных тарелочках.

На 200 г (стакан) сахара: 400 г (неполную бутылку) молока, 3—4 яйца, 80 г сливочного масла, ваниль на кончике ножа.

В. КОВЧЕНКОВ

НОВОЕ В ПОРЯДКЕ НАЗНАЧЕНИЯ И ВЫПЛАТЫ ПЕНСИЙ

С 1 июля нынешнего года вступило в силу Постановление Совета Министров Союза ССР «О внесении изменений в Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий».

Наш корреспондент Л. Броховецкая обратилась к заведующей сектором отдела ВЦСПС по государственно-социальному страхованию В. С. Виценовской с несколькими вопросами.

— Валентина Семеновна, какие перемены вносит новое Постановление в порядок назначения и выплаты пенсий?

— Для тех, кто собирается на пенсию, хлопот станет значительно меньше: основную их долю возьмут на себя администрация и профсоюзные комитеты предприятий, учреждений, организаций.

Теперь с заявлением о назначении пенсии работающий должен обращаться к администрации по месту работы, а не в отдел социального обеспечения. Новое Постановление возложило на администрацию предприятий, учреждений и организаций совместно с фабрично-заводскими и местными комитетами профсоюзов подготовку документов, необходимых при назначении пенсий рабочим, служащим и их семьям, и представление их к назначению пенсий.

Они должны выяснять, кто из рабочих и служащих вскоре может пойти на пенсию, и помочь этим людям заблаговременно подготовить нужные документы. В случае необходимости направить запросы на прежнее место работы; помочь в поисках дополнительных сведений о стаже, зарплате, в выборе периода работы с наибольшей зарплатой, чтобы из этой суммы была назначена пенсия.

Администрация предприятия совместно с профсоюзным комитетом в десятидневный срок после подачи заявления о переходе на пенсию должны окончательно оформить документы и направить представление к назначению пенсии в районный (городской) отдел социального обеспечения по месту жительства заявителя.

Если речь идет о пенсии по случаю потери кормильца, то и здесь администрация и

профсоюзная организация учреждения или предприятия, где умерший работал последнее время, помогут его семье оформить пенсию.

Как видите, новый порядок значительно упрощает оформление и назначение пенсий, избавляет пожилых людей от необходимости по несколько раз ходить в отделы социального обеспечения с просьбами «проверить», «оформить», «найти».

Для того чтобы не возникали при оформлении пенсии спорные вопросы, неясности, комитеты профсоюзов обязаны регулярно проверять правильность ведения трудовых книжек, записей наименования профессий и должностей в точном соответствии со штатным расписанием или тарифно-квалификационными справочниками, требовать от администрации своевременного ознакомления рабочих и служащих с каждой вновь внесенной в трудовую книжку записью.

Все эти обязанности повышают роль и ответственность администрации, фабрично-заводских и местных комитетов в решении вопросов пенсионного обеспечения трудящихся.

Могут быть и отказы в представлении к пенсии. Например, в тех случаях, когда работник не имеет необходимого стажа или стаж не подтвержден документами, а разыскать их, несмотря на все старания, не удалось, не подтвержден стаж и свидетельскими показаниями. Причина отказа сообщается письменно. И если работник не согласен с таким решением, он может сам обратиться в отдел социального обеспечения по месту жительства.

— С какого времени назначается пенсия?

— Она назначается со дня обращения за пенсией, то есть со дня приема отделом социального обеспечения представления администрации предприятия и ФЗМК или заявления работника со всеми необходимыми документами. При пересылке их по почте днем обращения считается дата, указанная на почтовом штампе по месту отправления. В случаях, когда к пенсионному делу приложены не все документы, отдел социального обеспечения извещает об этом администрацию или заявителя. И если недостающие

документы будут представлены не позднее трех месяцев после получения извещения, пенсия назначается со дня приема документов от администрации или заявителя.

— Кто может подтвердить недостающий для получения пенсии стаж работы?

— По-прежнему при отсутствии документов о прошлой работе недостающий для назначения пенсии стаж может быть установлен на основании показаний двух или более свидетелей. Один из них должен знать заявителя по совместной работе и подтвердить документами факт своей работы вместе с заявителем на одном предприятии, в учреждении или в одной системе и в одно и то же время. Стаж свидетельскими показаниями не подтверждается, если полностью сохранились архивы предприятия, учреждения, организации, а сведений о работе здесь заявителя не оказалось.

— Может ли быть увеличен размер назначенной пенсии?

— Да. Многие пенсионеры продолжают работать и после назначения пенсии. Если они проработали не менее двух лет с более высоким заработком, чем тот, из которого исчислена пенсия, должен быть сделан перерасчет.

Постановление внесло изменения в сроки перерасчета пенсий. Перерасчет пенсий, назначенных рабочим, служащим и их семьям, в случаях, предусмотренных действующим законодательством (например, из более высокого заработка, появления нового иждивенца, пересмотра группы инвалидности в связи с ухудшением состояния здоровья), будет производиться с первого числа соответствующего месяца. Если заявление о повышении пенсии подано до пятнадцатого числа включительно, перерасчет будет произведен с первого числа текущего месяца; если заявление подано после пятнадцатого — с первого числа следующего месяца.

Если обстоятельства, влекущие за собой уменьшение пенсии, появились до пятнадцатого числа, перерасчет производится с первого числа месяца, в котором это обстоятельство появилось, а если после пятнадцатого, — с начала следующего месяца.

— Часто в редакцию приходят письма от женщин, которые, не достигнув пенсионного возраста, ушли с работы, но необходимый трудовой стаж имеют. Они беспокоятся: смогут ли, достигнув пенсионного возраста, получать пенсию?

— Конечно, смогут. Женщины, которые имеют трудовой стаж не менее 20 лет (если по закону не требуется меньшего стажа), но по каким-либо причинам оставили работу до наступления пенсионного возраста, имеют право обратиться за пенсией по достижении 55-летнего возраста. Но в этих случаях за назначением пенсии нужно обращаться непосредственно в отдел социального обеспечения по месту жительства.

ЧИТАТЕЛЯМ «РАБОТНИЦЫ»

С 1 сентября началась подписка на наш журнал.

Вы можете оформить подписку на «Работницу» в отделе или агентстве «Союзпечати», в любом отделении связи, у общественных распространителей. Подписка принимается без каких-либо ограничений.

Стоимость подписки на год — 1 руб. 20 коп., на полгода — 60 коп.

SILUE

МОДА С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Вы любите шить, интересуетесь новостями моды? В таком случае вам пригодятся книги, которые высылают наложенным платежом магазин № 153 имени первопечатника Ивана Федорова.

Мы можем вам предложить:

АЛЬБОМЫ С ЧЕРТЕЖАМИ КРОЯ

«СИЛУЭТ», Таллин, 1969 г. Цена 1 руб. 50 коп.
 «МОДЕЛИ ГУМА», 1969 г. Цена 1 руб. 20 коп.
 «МОДЕЛИ ГУМА», 1969 г. Цена 1 руб. 31 коп.
 «ДЕТСКОЕ ПЛАТЬЕ», Москва, ГУМ, 1969 г. Цена 79 коп.
 «Я ШЬЮ САМА» (лето), Москва, Общесоюзный Дом моделей (ОДМ), 1969 г. Цена 85 коп.
 «Я ШЬЮ САМА» (осень), Москва, ОДМ, 1969 г. Цена 83 коп.
 «ВЯЗАНИЕ НА СПИЦАХ», 1969 г. Цена 77 коп.
 «ДЛЯ ПОЛНЫХ ЖЕНЩИН». Московский Дом моделей, 1969 г. Цена 48 коп.

КНИГИ

ВИНОГРАДОВА С. К. «КРОЙКА И ШИТЬЕ», 1968 г. Цена 1 руб. 24 коп.
 КОБЛЯКОВА Е. Б. «ОСНОВЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОДЕЖДЫ», 1969 г. Цена 95 коп.
 «НАПРАВЛЕНИЕ МОДЫ», ВИАЛЕГПРОМ, 1969 г. Цена 2 руб.
 ПОПОВА Н. С. «ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ ПО БЫТОВЫМ ШВЕЙНЫМ МАШИНАМ», 1969 г. Цена 63 коп.

Заказы направляйте по адресу: Москва, А-422, ул. Костякова, д. 9. Магазин № 153 Москниги, отдел «Книга — почтой».

Просим только извинить, если из-за перегруженности мы выполним ваш заказ не сразу, а в течение полутора-двух месяцев.

МОДА БОЛГАРИИ

Этой осенью и зимой в Болгарии модны платья из плотных шерстяных тканей. В моделях, которые вы видите на обложке, умело использованы фигурные рельефы: они служат не только украшениями, но и конструктивными линиями, маскирующими выточки и придающими силуэту нужную плавную форму. Популярны пояса. Те, кому фигура не позволяет носить платья с поясом, могут имитировать его, нашивая сверху или делая платье отрезным, — такую модель вы тоже видите на обложке (серое платье).

Любимая и удобная одежда женщин всех возрастов — юбки с жилетами. Юбки стали более широкими, модны складки, большие карманы, всевозможные пояса — из ткани, кожаные, лакированные. С жилетами носят тонкие свитеры с высоким воротом или блузки рубашечного покроя.

Модные дополнения — шейные платки, металлические украшения, пуговицы и пряжки. Снова вошли в моду бусы.

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

На первой странице обложки: Портрет девушки. Народный художник Болгарии Владимир ДИМИТРОВ-МАЙСТОРА.

На четвертой странице обложки: Старожилы Приокско-Террасного заповедника — зубры. Фото И. КОНСТАНТИНОВА.

К этому номеру дается бесплатное приложение: болгарская вышивка. Выкройки платья для будущей мамы. Вязаный гарнитур для малыша.

Адрес редакции:

МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-12-30; литературы и искусства — 250-12-30; семьи и быта — 250-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — 253-30-76; художественного оформления — 253-34-79; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Оформление художника
Я. МИРОШНИЧЕНКО.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,
 В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,
 М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
 Е. Д. МИШИНА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
 [зам. главного редактора].

Технический редактор
Т. ЖУРАВЛЕВА.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сдано в набор 30/VII 1969 г.
 А 00181. Подписано в печ. 22/VIII—69 г.
 Формат бумаги 60×92¹/₈.
 Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
 Тираж 10 900 000 экз.
 (1-й завод: 1 — 10 398 120 экз).
 Изд. № 1662. Заказ № 2191.

Мода

Болгарии

Коп 12

Индекс 70770
Цена 10 копеек.